

М
21255
БОГАТЫРИ

63.3(2P-4/Кем)
~~33304~~
0-74
ЗЕМЛИ

Г. ОСИПОВ.

ac
22511

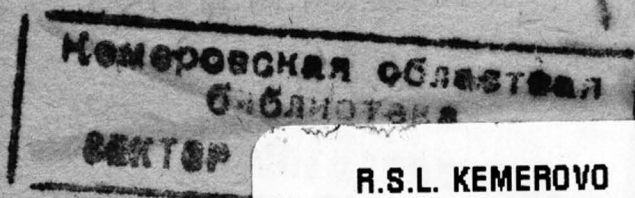
СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Старая гвардия	3
2. С горы и на гору	9
3. Трудовое утро	14
4. Воскресник	22
5. Чупинск	27
6. Конкурс	
7. Загадоч	
8. Живые	
9. Малень	
10. Женски	
11. Смена	
12. Здоров	

111

М 21256 А

ГЕННАДИЙ ОСИПОВ

Т. 63.3 / (2Р-4Кем)

0-74

R.S.L. KEMEROVO

LIBER

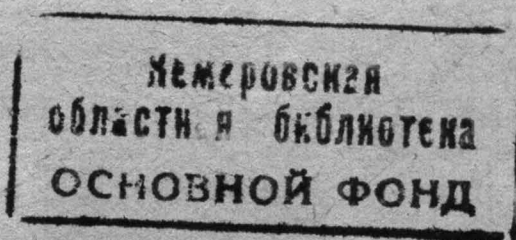

63217

ЭК.

БОГАТЫРИ ЗЕМЛИ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОММУНА „БОЕВАЯ“
КУЗНЕЦКОГО ОКРУГА

СИБКРАЙИЗДАТ
НОВОСИБИРСК

1929

Сибкрайлит № 831
от 27/XII 1929 г.
г. Новосибирск,
Сибполиграфгост
Зак. № 212 а
Тир. 10.000 экз.

I. СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Вечерело... Приятная августовская прохлада наливала бодростью возвращавшихся с поля коммунаров. Звонкие голоса молодежи бурлили песней.

Трудовой день кончился.

Через полчаса в небольшую контору коммуны «Боевая» группами входили коммунары.

Степенный кладовщик, с черными глазами, хлопотливо зажигает большую висячую лампу. Десятки веселых глаз щурятся на свет, и добрые улыбки молодят загорелые лица. Тесно. Журчат ручейком разговоры.

Председатель коммуны, здоровый, крепко сложенный пахарь, открывает беседу.

— Так так, значит, товарищи! Поговорим сейчас насчет своего житья-бытья. Жизнь свою вспомним.

— Длинная история. Целое евангелие сочинить можно.

— Всего было: и голодом сидели, и разлад шел, и хозяйство не клеилось, а выдержали, — не сдались.

Широкая общая улыбка молчаливо подтвердила крепкую стойкость коммунаров. Коммунар Ивлев А. Н. тоже ухмыльнулся в золотистые, как

рожь, запорожские усы и начал свой рассказ о коммуне. Лысый, с пепельно-землистой сединой, старик Назаров сразу вступает в беседу. И из всех углов слышатся голоса коммунаров, наперебой рассказывающих правду о себе. Страница за страницей раскрываются былые дни тяжелых испытаний и героической борьбы за новую коллективную жизнь.

Жили раньше коммунары в дер. Зимовье. Деревня небольшая, бедная. Перебивалась беднота с хлеба на воду, батрачила у кулаков, маялась. В 1920 году батрак Тарачев Григорий задумал организовать сенокосную артель; пригласил бедняков Ивлева и Иванова, и все вместе они стали работать.

— Понравилось нам, — говорит Ивлев. — Один то сколько ни маешься, а проку мало. А тут словно и много было, а — смотришь — как сгорело!

Как-то раз Тарачев Григорий с Ивлевым возвращались домой после подвоза леса для школы. Тарачев предложил Ивлеву собрать во-едино несколько семей и зажить коммуной. Крепко засела в головах бедняков дума о коммуне. Подговорили они несколько человек еще и стали собираться обсуждать великое дело.

— Бывало, вечер настанет, — продолжает Ивлев, — бежишь зазывать на собрание. Соберемся мы в хату к Недосекину Семену и сидим до самых петухов. Устав читали, разбирали, спорили. Помню, как-то раз спор у нас вышел. Недосекин Семен был побогаче нас немножко, — середняком считался. Когда зашел вопрос об обобщении имущества, он спросил:

— «У меня вот имущества больше вашего, так как быть — все ли его отдавать в коммуну, либо часть?» — Заспорили, стали доказывать друг другу каждый свое и, не договорившись, разошлись.

К страде опять сколотили артель, но на этот раз очень крепко.

— Перешли на устав коммуны, — перебивает кто-то рассказчика.

Так организовалась маленькая коммуна. Вначале в нее вошло только девять семей; взрослых было 21 человек и 17 детей.

Убрали хлеб, ссыпали его в общий закром. Затем обобщили весь скот и недвижимое имущество. Тех, кто не имел своей избы, поселили к другим членам коммуны.

Один из коммунаров долго роется в серых связках архива и, отыскав какую-то припечатанную бумажку, протягивает ее мне.

— Вот список организаторов коммуны.

На пожелтевшей бумаге только девять фамилий. Читаю: Тарачев Григорий, Тарачев Сергей, Недосекин Григорий, Недосекин Семен, Ивлев Александр, Федяшкин Константин, Колмогоров Наум, Долганов Иван, Молчанов Павел.

Организовавшаяся коммуна имела 12 рабочих лошадей, 6 лошадей — подростков, 19 голов крупного рогатого скота, 33 головы мелкого скота (свиней, овец), 7 жилых построек, 8 надворных построек, 1 сенокосилку, 1 конные грабли, 1 плуг, 2 сохи, 8 деревянных борон, 2 телеги на железном ходу, 7 телег на деревянном ходу, 8 саней и 1 кошевку.

15 ноября 1920 года коммуна была официально зарегистрирована в уземотделе.

Косо посматривали сначала на молодую коммуны крестьяне дер. Зимовье. Частенько посмеивались:

— Тоже «кумунью» затеяли. С'едите все, что у вас есть, а потом и врассыпную.

Некоторые даже злились; не нравилась им коммуна. А молодые коммунары, не зная еще характера коллективной жизни, не имея практического опыта, почти без руководства, смело ковали новую семью.

Наступила зима. Всюду по деревням рыскали белогвардейские банды, разоряя крестьянские хозяйства. Сожженные избы да трупы расстрелянных оставляли они на память напуганным пахарям. Особенно славилась банда Алиферова. И старого, и малого, и бедного, и богатого, — всех, кто встречался на ее пути, обирала она до нитки, награждая ударами шомпола.

Коммунары создали свой отряд для борьбы с бандами. Все мужчины, способные владеть оружием, вошли в отряд. Дома остались только женщины и дети. Всю зиму и весну 1921 года вели коммунары борьбу по ликвидации белогвардейских банд.

Крестьяне, напуганные бандами, целыми группами пошли в коммуну. Начался массовый необдуманный прием. Несколько раз в неделю созывали собрание и каждый раз целыми группами принимали крестьян в коммуну. Вместе с батраками и беднотой в коммуну входили середняки и даже кулаки.

— Шкуру свою спасали, — об'яснил кто-то.

Коммуна росла. К весне 1921 года она уже насчитывала 150 едоков. Хозяйство ее увеличилось в несколько раз. Целыми стадами пригоняли кулаки в коммуну скот, а коммунары, обрадованные ростом своего хозяйства, не замечали притаившегося врага.

Мельник коммуны, Тарачев Сергей, отрясая с окладистой бороды мучную пыль, рассказывает:

— Жил в Зимовье крупный кулак Чупин, Павел

Степанович. Имел он один 80 голов скота, в том числе чистокровного английского жеребца производителя «Полкана». Когда забродили кругом банды Алиферова, зазвал Чупин к себе меня с Федяшкиным. Стал перед нами на колени и давай упрашивать нас принять его в коммуну.

Поглядели мы — добра у него столько, сколько у всей коммуны нет. Что делать? Посоветовались с другими и решили принять: имущество соблазнило. Взяли у него отступную от хозяйства (на случай ухода из коммуны), перегнали весь скот, перевезли имущество. Одного не заметили: пустили мы к себе волка в овечьей шкуре.

Хозяйство коммуны стихийно росло. Целыми днями коммунары собирали разбросанные машины, скот, постройки. Почти никакого учета в хозяйстве не было: кто взял, зачем взял, сколько взял — никто не знал. Все шло самотеком.

Когда общими силами банды белых были ликвидированы, в коммуне началось брожение. Кулаки, пришедшие «спасать шкуру», заговорили о выходе из коммуны. Пошел разлад. Незаметно падало хозяйство, растаскиваемое по кусочкам...

Голос рассказчика оборвался. Что-то тяжелое, большое почувствовалось за оборванной речью. Испытанные в беде и горе коммунары, те, что пережили на своих спинах все несчастья и радости коллективной жизни, молча опускали головы.

— Но не для того мы дело затевали, чтобы похоронить молодую коммуну, — сказал вдруг рассказчик, сжимая кулак. — Да!

Коммунар Недосекин Семен, теперешний завхоз коммуны, вскинул голову и впился глазами в оконный просвет. Старик Назаров медленно провел морщинистой рукой по седине и богатырски

вздыхнул. Старший тракторист, бронзовый от загара, до самого плеча задернул засученный рукав рубахи и крупным шагом подал вперед свою исполинскую фигуру. Несколько грудей рванулось за ним, два коммунара встали на ноги.

— Старая гвардия, — подумал я.

Лампа стала мигать. Кто-то взглянул на часы; шел двенадцатый. Пошли спать. Только небольшая группа «старых гвардейцев» осталась в комнате.

Краткое деловое совещание — что делать завтра. Опытные хозяйственники вносят свои предложения.

Когда расходились по квартирам, я спросил старика Назарова:

— Ну, а как геперь? Крепки?

— Во! — и, уходя, он до боли сжал мою руку.

Организаторы коммуны. Сидят (слева направо)
Ал. Ивлев, С. Недосекин, Конст. Федяшкин

II. С ГОРЫ И НА ГОРУ

Три вечера рассказывали коммунары историю своей коммуны. Вот что было дальше.

Начался посев 1921 года — первый посев коммуны.

Земли были разбросаны по всему наделу; пришлось сеять чересполосицей. Выбрали полеводом бывшего кулака Чупина, доверили козлу огород. Заберет он, бывало, мешков десять; пять из них мало-мало раскидает по пашням, а остальные продаст, либо спрячет. Кое-как засеяла коммуна 117 десятин.

А хозяйство падало. Лошади и коровы были заморены, работать никто не хотел.

Все сильнее жужжали кулаки о выходе из коммуны, сговаривая отдельных коммунаров. К лету стали создаваться группы беглецов. По несколько семей уходили сразу. Малодушные терялись, поддавались панике и тоже выходили... Только группа организаторов стойко боролась за коммуну, собирая вокруг себя более сознательных бедняков и батраков.

Классовая борьба обострялась. Задумавшие бежать кулаки тайно и открыто растаскивали имущество. Ежедневно исчезали то лошадь, то тележок, то хлеб, то что-либо другое. Кулак Чупин, оказавшийся тайным агентом Колчака, потребовал при выходе свое хозяйство обратно. Коммуна не отдала, — он подал в суд. Несколько лет тянулось это дело, несколько раз подкупленные Чуповым люди выносили постановления о возврате имущества (дома, жеребца «Полкана»), но коммунары своего не отдали.

Коммуна решила из деревни выселиться. Выбрали место в трех верстах от Зимовья — на живо-

писном плоскогорьи, среди густых березовых рощ, около речки Хмурычак.

Стали переселяться. Началась настоящая борьба из-за жилых построек. Ушедшие из коммуны крестьяне не отдавали своих бывших изб, переданных при вступлении в коммуну. В тех случаях, когда они добровольно не уходили из домов, коммунары организованно разламывали дома и перевозили их на выселок.

Весело звенели топоры коммунаров на новом выселке, быстро росли один за другим бревенчатые дома. Коммуна не сдавалась.

Первый урожай был плох. Всю осень молотили коммунары свой хлеб. Ночами на пашни приезжали крестьяне, сбежавшие из коммуны, и растаскивали намолоченное зерно.

Почти в каждой деревне в этот год стихийно создавались коммуны и, не просуществовав года, распадались. В помощь бедным коммунам «Боевая», по распоряжению уземотдела, отдала 20 лошадей, 2 сепаратора, несколько домов, телят и коров. Большое хозяйство коммуны все таяло и таяло. Не даром коммунары называют 21 год—«растащихой».

В этом же году коммуна организовала для своих детей детский дом, а в конце года открыла общую столовую.

Настал 1922 год. Хлеб на исходе. Сена нет. Лошади и коровы оставались под открытым небом и без корма. Последние пуды хлеба были с'едены. Начался голод. Стали молоть охвостья, колоть лошадей и телят. Люди ели какую-то смесь из смолотых охвостьев и жмыха. Три четверти фунта этой смеси выдавали каждому коммунару на день. Конина была излюбленным кушаньем.

Плакали дети, стонали женщины, угрюмо морщили лбы коммунары, но не сдавались.

Коммуна жила!

Новый посев снова дал плохой урожай. Хозяйство падало. Коммунары, не знакомые с постановкой учета в хозяйстве, не знали — что им приносит доход и что дает убыток. О хозяйственном балансе думать было некому: люди, прошедшие только азбуку тяжелого крестьянского труда, не понимали техники учета.

В 1923 году коммуна впервые взяла кредит в 1500 рублей (денежными знаками) на постройку скотного двора и бесплатный билет на 1500 бревен для этой же цели. Подрядили рабочих, роздали им вперед деньги, а леса не получили. Только небольшая партия леса была доставлена в комму-ну, да и ту растащили. Не удалось в этот раз построить скотный двор.

Коммуна продолжала получать кредиты, не думая о том, как она будет расплачиваться.

— Наша коммуна осталась тогда почти одна во всем районе, — говорит коммунар. — Придем, поплачем, — нам и дают кредиты.

В этом году руководитель и организатор коммуны, Тарачев Григорий, был выбран председателем кредитного товарищества в с. Барачаты и покинул комму-ну. Его место занял некто Григорьев, человек достаточно развитый, но не знакомый с сельским хозяйством.

— Соберет он, бывало, нас на собрание, — вспоминает старик Назаров, — и зачнет говорить. Уж так-то хорошо распишет, — куда тебе: лучше не надо. А на деле, смотришь, толку никакого. Чуть все дело не развалил. До того распустились ребятки, что дальше некуда. Был я в ту пору полеводом. Раз пошли 37 человек вязать снопы.

И что же? За весь день связали только 4 десятины. Что тут будешь делать?

Старик замолчал. Согнутые пальцы медленно поглаживали бородку. Глаза туманились.

— Уходить я тогда решил, — продолжает старик, — да раздумал. Вечером сижу на крыльце, толкую с Григорьевым. Так, мол, и так. Что делать? Понял он сам, что в коммуне ему не житье и говорит: — Я уйду! Ладно. Приезжает в райком, кладет на стол партбилет. — «Что хотите со мной делайте, а я в коммуне работать не могу». Дошел парень до точки.

Старик беззвучно рассмеялся, и я почувствовал в нем большую земляную силу.

— Раздробил он нашу единую коммуну на две группы. Те, кто лодырничать хотел, кто не дорожил коммуной, как детищем своим кровным, за Григорьева стояли. А мы все просили вернуть нам Тарачева. Знали — свой парень и все силы отдаст, а коммуну на ноги поставит. Помню, голосовали: половина за Григорьева, половина за Тарачева. Решили тогда избрать председателем Недосекина Семена. Григорьев уехал, а в начале 1925 года вернулся Тарачев и снова стал руководить коммуной.

Дружно ударили организаторы коммуны по недостаткам, энергичней взялись за работу. Всех, кто не хотел работать, кто пришел в коммуну «шкуру свою спасать», вычистили железной большевистской метлой. Чистка укрепила коммуну, оздоровила ее ряды.

Началась упорная кропотливая работа по налаживанию хозяйства. Чтобы поднять трудовую дисциплину, решили, вместо работы — как вздумается и когда вздумается, — перейти на сдель-

щину. Стали платить мужчине — 50 коп. в день, женщине — 40 коп. Быстрыми скачками стала подниматься производительность труда. Появился первый трактор.

Коммуна раз навсегда отказалась от бесплановой работы на «авось». Впервые составили производственный план. Ввели десятипольный оборот в полеводстве. Стали засеивать поля чистосортными семенами.

Маленькое, разоренное хозяйство быстро развивалось. Увеличился посев, увеличился домашний скот. Те, кто испугался трудностей и бросил коммуну в самую опасную пору ее жизни, понемногу возвращались обратно. Дружная коллективная работа оказалась куда лучше «маяты» с утра до ночи на «своей» пашне, — и многие из «беженцев» виновато просили коммунаров снова принять их в свою семью.

Быстро шли годы, но еще быстрее росло хозяйство коммуны. Появились хорошие скотные дворы, появились новенькие машины, весело загудел второй трактор. Широко улыбались богатырки-коммунары, слушая концертную передачу по радио. Беспокойная детвора суетливо хлопотала во вновь открытой школе.

Часто, часто приходили в коммуну коренастые пахари, долго и внимательно осматривали хозяйство новое да машины диковинные и, сощурившись, долго думали.

Потом тяжелая рука грузно опускалась на помятый лист бумаги и старательно выводила неуклюжие буквы:

...«Пасколка я стал созынательной и хочю крепко жит сопча катигирически прошу принят миня вкомуну».

III. ТРУДОВОЕ УТРО

Шесть часов утра. Я сижу в квартире зав. хозяйством Недосекина, попросту «дяди Семена». В квартире образцовая чистота. Гладко-вымазанные стены сверкают снежной белизной. На вымытом полу, щурясь, и потягиваясь, нежится с котятками сытая кошка.

Жена дяди Семена, заметив мое удивление, поясняет:

— Здесь у всех так. С грязью боремся. Есть особая санитарная комиссия, — следит, чтоб у всех был порядок и чистота в квартире.

— Значит, прощай вековая расейская грязь!..

— Так выходит, — и она распахнуло окно.

Свежий утренний ветер ворвался в комнату. Я задумался. Вспомнилась старая, умирающая деревня. В темной, прокопченной избе—дым и чад, неприятный запах гниющей на полу соломы, где маленький телок сонно шевелит ушами. На полу синий от холода двухлетний ребенок со слезами отнимает у пестренских куриц кусок «городского» пряника. Старшая сестренка бродится в грязной лохани, выплескивая мутную густую жижу на пол, затоптанный широкими обутками отца.

— Неужели все это уходит, навсегда уходит?— думаю я. И говорю вслух:

— Да, так.

Входит дядя Семен. Он уже успел приготовить все необходимое для трудового дня и сейчас пришел завтракать.

Садимся за стол. Свежий, мягкий, пшеничный хлеб, только-что принесенный из общественной пекарни, зажаренные в сметане картошки да мед с коммунальной пасеки дразнят мой аппетит. Закусываем.

Загорелое лицо комсомольца Пашина показалось в раскрытом окне:

— Дядя Семен, мне сегодня куда?

— Косить иди с женщинами.

— А кого из них назначишь?

Дядя Семен называет несколько фамилий; Пашин быстро заносит их в блок-нот.

— Старшим ты, — кончает завхоз.

Голова комсомольца исчезла. Следом за ним бойко вынырнула маленькая, с хитрыми карими глазами, голова подростка:

— А мне куда?

Дядя Семен наскоро трет рукой свои стриженные усы и улыбается:

— Разве не знаешь свою работу? Дрова возить.

— А коня мне какого?

— Возьми «Макдональда» с «Крокодиллом».

В дверь уверенной походкой вошел старик Назаров. Он полевод коммуны.

— Ну, мы сегодня жать будем. Погода-то немного наладилась.

— Ладно. А сколько тебе?

— Человек 12 надо. Да один трактор.

Дядя Семен снова перекликает фамилии. Его глаза быстро скользят по кривым строчкам записей в книжке. Надо предусмотреть все и правильно, с толком распределить рабочую силу.

Сегодня в поле едут не все; остальные идут ломать камень для постройки теплого скотного двора (типового).

Раскомандировка на работу закончена.

Восьми часов еще нет (время выезда на работу), но все уже направились по своим местам. Комсомолец Пашин, собрав женщин, колонной двинулся в поле. Выехал из сарая в улицу трактор «Фордзон» и, прицепив тракторную жнейку - сно-

повязалку, покатыл дальше. Мальчик подросток завел в оглобли рослого коня и, смерив его глазами, решительно скомандовал:

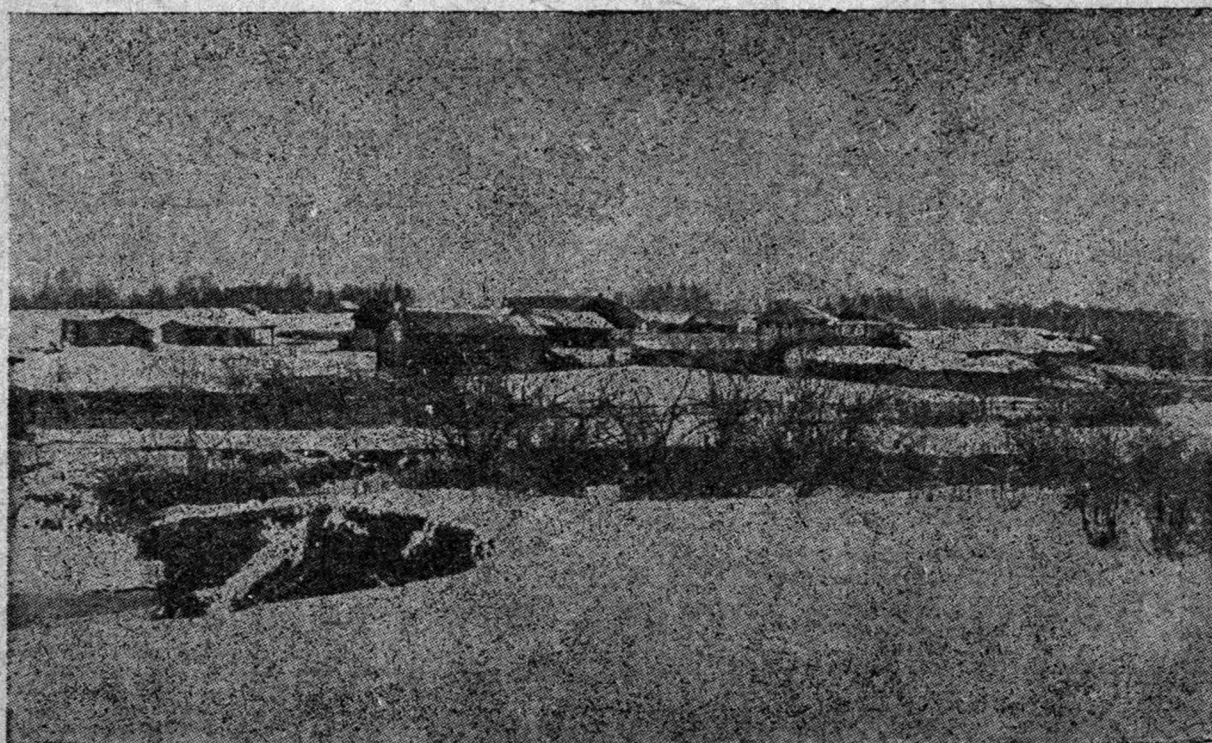
— А ну, «Макдональда», запрягайсь!

Я пошел в контору. Встретил там руководителей коммуны и начал беседу. Меня интересовал вопрос, как организован труд в коммуне.

— Раньше у нас строгой организации труда не было, — сказали мне. — Сейчас мы работаем так же, как и на социалистических предприятиях. Труд каждого строго учитывается. Ввели тарифную систему оплаты труда. Каждый получает, согласно своего разряда по тарифу.

— Значит, члены коммуны становятся просто сельско-хозяйственными рабочими?

— Да, такой же пролетариат. Но от этого не хуже, а лучше. Растет производительность труда, растет сознательность.

Общий вид коммуны

Передо мной об'емистая тетрадь. Это книга тарифных разрядов, норм выработки и их расценок. Вереницы цифр рассказывают мне обо всем.

В настоящее время «Боевая» объединяет 50 семей со 158 едоками. Взрослых в коммуне 81, детей 77. Из 81 человека — 3 инвалида, состоящих на обеспечении коммуны, 3 чел. служат в Красной армии и 6 чел. работают в окружающих селах, как выбранные. Значит, в хозяйстве коммуны работают только 69 чел. взрослых.

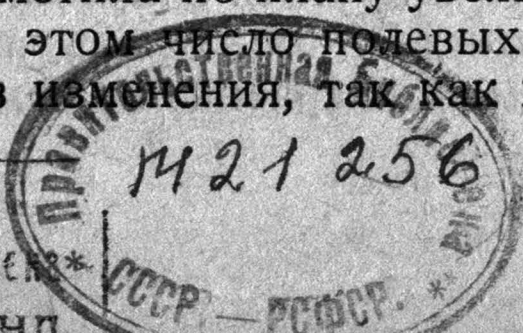
Как распределяется рабочая сила?

К каждой отрасли хозяйства (полеводство, животноводство) коммуна прикрепила по группе товарищей. Одним поручили только уход за коровами, другим — уход за свиньями, третьим дали работу полевую, четвертых прикрепили к промышленным и подсобным предприятиям. Словом, каждый знает свое дело, за него несет ответственность и другим работать не мешает.

На полевой работе в коммуне занято 49 человек, а остальные 20 работают в других отраслях хозяйства.

Хорошо ли поступила коммуна, оставив полеводству только 71 проц. рабочей силы? Разберемся.

В этом году «Боевая» имела 235 десятин посева (с травами). Значит, на каждого полевого рабочего приходится 4,8 десятины посева. Много ли это? — Нет. При наличии 2-х тракторов и достаточного количества с.-х. машин эта нагрузка мала. Не даром даже в горячую пору часть полевых работников занята на других работах (ломка камня, работа по постройке скотного двора). На будущий год коммуна наметила по плану увеличить посев на 65 проц. При этом число полевых рабочих должно остаться без изменения, так как в комму-

ну будут приниматься только лица, имеющие ту или иную специальность. Тогда нагрузка на каждого полевого рабочего увеличится до 6,7 десятины.

Увеличивать число полевых рабочих, — значит снижать нагрузку и, следовательно, уменьшать производительность труда. Это не в интересах коммуны. Гораздо выгоднее оставшуюся рабочую силу использовать для развития других отраслей хозяйства. Тогда полеводство не будет «дойной коровушкой» для всех, тогда и длинная сибирская зима не будет временем «простительной безработицы».

Так коммуна и сделала.

Как же она борется за производительность труда?

Это можно лучше всего проследить на системах оплаты труда. Раньше коммунары получали поденно: сколько дней проработал — столько полтинников и получай. Хорошо ли было? — Нет. Один-то хорошо работает, старается, а другому лишь бы время провести. А получали оба одинаково. Теперь не то. Коммунары ввели нормы выработки и расчет производят не поденно, а с выработки. Возьмем пример. Тракторист должен вспахать за рабочий день 1,75 десятины целины, глубиной 18-20 сант. За выполнение нормы он получит 48 коп. Если тракторист поленился и вспахал только половину нормы, то он получит всего 24 коп.; если, наоборот, он превысит норму на 50 проц. (примерно), то получит уже 72 коп. Значит, толчок для поднятия производительности труда есть, и он действует.

Теперь о другом. В прежние годы все мужчины получали по 50 коп. в день, а женщины по 40 коп. А разве можно сравнивать работу тракториста, косца

или председателя коммуны с работой погонщика лошадей или уборщицы? Конечно, нет. Труд первых тяжелее и требует определенных знаний, труд вторых и легок и прост. Значит, и оплата труда должна быть различной.

Теперь в коммуне введена тарифная сетка. Все члены разбиты на 7 разрядов в зависимости от своей квалификации и характера выполняемой работы. К первому разряду отнесены погонщики, уборщицы, дневные сторожа, коноводы; ко 2-му разряду — посудницы, подпаски, переписчики; к 3-му разряду — доильщицы, няни, возчики сена, младший конюх; к 4-му разряду — младший сапожник, кладовщик, конторщик, работник на плуге, старший конюх, старший крольчатник; к 5-му разряду — столяр, рабочий на сложных машинах, тракторист—рулевой, зав. хозяйством; к 6-му разряду — зав. полеводством, маслодел, заместитель председателя; наконец, к 7-му разряду — председатель коммуны, учитель, тракторист - монтер. Работающие по 1-му разряду за выполненную норму получают 21 коп.; по II-му разряду — 27 к.; по III разряду — 33 к.; по IV разряду — 42 к.; по V разряду — 48 к.; по VI разряду — 60 к.; по VII разряду — 63 коп. Следовательно, чем сложнее работа, тем выше она оплачивается.

Чтобы не было резкой разницы в доходах у семьи, имеющей 2-3 детей, с семьей, состоящей исключительно из взрослых, дети до 16-летнего возраста и инвалиды находятся на иждивении коммуны. На каждого малолетнего или инвалида семья получает пособие в размере от 1 до 5 рублей, в зависимости от возраста или инвалидности.

Учет работы в коммуне поставлен хорошо. Каждое утро помощник полевода точно учитывает выработку и записывает ее в табель работ. В кон-

це месяца все подсчитывается, и заработок заносится на личный счет коммунара.

Все это поднимает производительность труда, укрепляет трудовую дисциплину. Ленивым поневоле приходится либо работать, либо уходить из коммуны.

— Был у нас один комсомолец, — рассказывают мне. — Лодырь первосортный. Любил за чужой спиной проехаться. А как ввели тарифную сетку, не по нутру парню стало: заела выработка. Вот раз он сделал прогул — на вид поставили и двухдневный заработок высчитали. Не пошел снова — строгий выговор закатили. А как третий раз прогулял — из коммуны долой. Нам лодырей не надо.

В коммуне есть правила внутреннего распорядка.

В июле «Боевая» заключила соцдоговор с коммуной «Ясная заря». К сожалению, оба этих хороших начинания пока слабо используются в жизни. Надо сделать соцдоговор трудовым знаменем коммуны, проводить его под лозунгом 100 проц. выполнения.

Как недочет в организации труда, следует отметить недостаточную загруженность 10-часового рабочего дня. Можно, сократив рабочий день до 8 часов, увеличить его производительность. Обращает на себя внимание простой машин, особенно тракторов. Иногда это происходит по вине трактористов. Как с этим бороться? Если коммуна во время простоя машины будет платить трактористу только 50-70 проц. обычного заработка, то уход за машинами сразу улучшится, машины меньше будут стоять в ремонте, реже ломаться.

Долго и деловито обсуждали со мной коммунары вопросы организации труда. Открыто при-

знавали ошибки и намечали пути к их устранению.

После беседы я снова пошел к «дяде Семену». В дверях столкнулся с беременной коммунаркой. Заметив меня, она смутилась, опустила длинные черные ресницы и бережно прикрыла руками живот.

После длительного молчания она спросила завхоза:

— Ну, так как?

— Не знаю, Анисья.

Обернувшись ко мне, «дядя Семен» пояснил:

— Вишь, на поле просится, а куда ее такую....

— А разве в коммуне беременные женщины не освобождаются от непосильной работы?

— Пошто не освобождаются? У нас всякий труд охраняется. Инвалидам, например, пособие выдаем. Больные тоже лечатся за счет коммуны. По уставу у нас и отпуск 2-х недельный полагается, да только коммунары не хотят его использовать. А уж по ихней части, — «дядя Семен» качнул головой в сторону Анисьи, — особые порядки существуют. Отпуск даем на полтора месяца и зарплату сохраняем. Роди, голубушка.

Добродушная улыбка пробежала по его лицу. Я взглянул на Анисью. Здоровая и бодрая, она открыто смотрела на нас черными играющими глазами. В них яркими огоньками вспыхивал почти юношеский задор и улыбалась грядущая радость матери. Анисья нетерпеливо комкала в руках концы ситцевого фартука. Яркими блестками падал солнечный свет на упругие рабочие руки и расплзался маленькими золотистыми ручейками по прыгающим мускулам.

— Дак можно? — и она ухватила за ручку двери.

— Просто беда с тобой, Анисья! И уважить тебе охота и порядок нарушить нельзя. Ведь в поле то тяжело тебе будет?

— Ну, чево там! Так я пойду.

— Как хочешь. А только, чтоб мне в ответе не быть.

— Ладно.

Волчком повернулась Анисья; бордовая юбка волной плеснулась вокруг ног, а скомканный фартук развернулся флагом. Широко распахнулась дверь...

— Ушла, все-таки.

— Впору хоть на веревку привязывай... Да что там! Разве такую женщину на веревке удержишь? На цепь, посади, так и то... — и дядя Семен безнадежно развел руками.

IV. ВОСКРЕСНИК

В субботу, поздно вечером, краткое совещание руководителей коммуны вынесло решение: в виду хорошей погоды провести завтра воскресник по уборке хлеба.

Решено — сделано.

Рано утром, в воскресенье, пятиминутное собрание о проведении воскресника. Несколько простых слов — и, словно по команде, вытянулись к солнцу десятки бронзовых рук: — работать!

Загудел трудовой улей, засуетились коммунары... «Старые гвардейцы» тщательно осматривали каждую машину, и в их спокойных, рассчитанных движениях я чувствовал какую-то своеобразную материнскую ласку и бережливость. Веселая молодежь энергично угощала железных работников мазью. Целая толпа детей, точно стая воробьев, облепила два тарктора. Шестидесятисемилетний

«дядя Филипп» тоже вышел на работу и, словно полководец, принимающий парад войск, медленно обводит всех долгим, пристальным взглядом.

Скоро семь часов. Могуче зарокотал трактор и медленно стал отмерять колесами серые метры дороги. Следом за ним выползла огромная тракторная молотилка. На нее широкой, как крыша, спине, выросли человеческие фигуры. Молотом застукало сердце второго трактора и он, грязный и шумный, жадно рванулся вперед.

— Эй, кавалерия, накручивай хвосты, — кричал чей-то звонкий юношеский голос.

Белокурая пионерка натянула повод; высокий, сивый мерин мотнул головой и крупно зашагал. Минута — и в воздухе наперебой затараторили телеги, засудачили, как кумушки, говорливые колеса.

Ясный день все выше поднимал свою солнечную шляпу, приветствуя коммунаров.

Шумный людской поток плескался смехом, перекатывался звонкими голосами и катился, катился, катился.

Выехали за поскотину. За поворотом дороги растянулись пашни коммуны. Огромные поля пшеницы «Цезиум» отливают на солнце красноватой медью.

— Вот она — кормилица наша, — и старик Назаров, сорвав колос, протягивает мне ладонь с крупными, тяжелыми зернами.

— Что, верно, засуха не влияет на ваши поля?

— Оно, как сказать... Ежели плохо за хлебом ходить будешь, так он и без засухи не вырастет. У крестьян нынче хлеба неважны, а у нас — жаловаться нельзя — урожаем не обижены.

Старик осторожно перебирал пальцами на широкой ладони зрелые зерна пшеницы.

— Земли у нас немного; под пашни годится только 447 десятин. Зато почвы здесь плодородные — залог гольный. Применились мы к земле, раскусили ее, матушку, и без хлеба теперь не живем. Ввели десятипольный севооборот. Стали удобрять землю травосеянием.

— А химический анализ почвы не проводили?

— Надо бы, да некому. Хорошее это дело, а спецов таких в коммуне нет. Вот и с опытами тоже пока не ладится. Думаем все-таки организовать несколько опытных полей. Агронома своего нет; приходится больше своей головой думать да прожитые 60 лет на помощь вызывать. Главное — старинку бросили, новое все провести стараемся.

Плавню колышется огромное поле пшеницы. Яркими, бронзово-красными молниями вспыхивают солнечные лучи на гребнях ее волн и маленькими огоньками рассыпаются по колосьям.

— Какое большое поле! Вся грива в золоте.

— Здесь 30 десятин, а всего у нас пшеницы 105 десятин. По плану производственному думали засеять 97, а как развернулись — тесно стало. Да и по другим культурам так же. Овса вместо 54 — 75 посеяли. Корнеплодов по плану вовсе не было, — а 8 десятин под ними. На 62 проц. против 28 года больше засеяли.

— А как на будущий год?

— По плану-то тоже должны на 62 проц. увеличить посевную площадь. А гляди — опять перешагнем. Вот, к примеру, озимой ржи надо бы только 5 гектаров засеять, а мы 27 покроем. Мала, стало-быть, одежка по нашим плечам, — и он широко развел руками.

— Стой, шалый! — вполголоса сказал рулевой и остановил трактор.

Вскоре стальной конь медленно пятился к тракторной жнейке-сноповязалке. Новенькая, пестро раскрашенная, она напоминала издали маленькую цветочную оранжерею; синие, ярко-зеленые, желтые, красные цветы расплывались на солнце разноцветными кругами и, сгорая, сверкали серебряными бликами.

— Готово?

— Есть. Начинай!

Несколько раз зычно гукнул трактор и грудью пошел вперед. Тракторная жнейка-сноповязалка катилась за ним. Точно пулемет, затрещали 40 стальных пальцев, свободным вихрем зашумел барабан, и тонкие желтые крылья весело замелькали в воздухе. Спелые колосья пшеницы низко кланялись черной земле, скошенные бесшумно падали на белое полотно, быстро бежали по нему вверх и через мгновение ложились на широкие вилы сноповязалки тяжелым снопом, туго завязанным лентой шпагата. Молодой коммунар нажимал передачу и длинные вилы сноповязалки сбрасывали пять бронзово-красных снопов. Трехметровой полосой сзади торчало жниво.

— Смотри, как бреет,—быстро говорил полевод, и, точно маленький, бегом бежал за жнейкой.

По свежему жнивну двигались коммунарки, собирали готовые снопы и составляли их в кучи.

Кажется, нет конца огромному полю. Бежишь за радужной машиной, а впереди все такие же бронзовые колосья, все та же желтовато-красная скатерть пшеницы. Все дальше и дальше катится говорливая жнейка, постепенно затягивая вокруг поля широкий пояс жнива.

По ту сторону межи, за логом, я увидел трех крестьян. Все они бросили свою работу и издали смотрели на диковинную машину. Низкорослый парень широко расставил ноги и раскрытым ртом ловил невиданную жницу. Справа от парня верхом на лошади сидел широкоплечий, чернобородый мужик. Он повернул лошадь задом и, словно нехотя, изредка взглядывал через плечо на поля коммуны. Третий, лохматый и тонкий, бегом бежал с пашни, на ходу глотая куски ржаного хлеба. Короткие, будто об'единенные штаны неуклюже ерзали по босым ногам. Подбежав к чернобородому, он что-то быстро заговорил и, тыкая всей ладонью в сторону работавшей жнейки, тряс реденькой бороденкой. Чернобородый вдруг злобно плюнул и со всего плеча ударил плетью рыжего коня. Лошадь рванулась, но он туго натянул повод и отчаянно бил ее плетью, заставляя кружиться на месте. Потом грубо выругался и галопом поскакал вдоль межи.

Жнейка скрылась за невысоким холмом, а двое крестьян все еще стояли на месте.

Ко мне подошел коммунар.

— Пошла работа, — улыбаясь, сказал он он и провел рукой по потной голове. — Кабы только дождя не было.

Я взглянул на небо. Солнце разбрасывало золотую пшеницу лучей. Только на западе белыми кораблями плавали облака.

— Откуда же дождь будет? Туч нет.

— Зато барометр на дождь двинулся. Торопит.

— Барометр? — удивился я. — У вас он есть?

— А как же. Видали в конторе? Мы ведь за погодой следим. Правда, станции этой... как она? которая погодой заведует, — нет, а все-же запись ежедневно ведется. Полеводству без этого никак

нельзя. Знаешь погоду—значит, знаешь, что делать. А попустому на божью канцелярию надеяться нельзя: захлюпалась она после революции.

— Вы и без Христа хорошую пшеницу вырастили.

— Да, у крестьян такого хлеба нет. Уход у нас за ним хороший. Землю пашем глубоко: 30 сант. иногда достигает наша запашка. Посев производим только чистосортными семенами. Прошлый год «Ноэ» была, а нынче вот «Цезиум», да и «нойки» тоже немного есть. Зерно перед посевом сортируем на триере, протравливаем формалином. Сеём только рядовыми сеялками, а это при засухе хлеб спасает. Потом, ежели дрянь какая полезет, — полоть приходится.

— А с вредителями вы боретесь?

— Нынче их нет, а в прошлом году кобылка была. Мышьяком мы ее угощали.

Коммунар быстро зашагал по жнивю, потом на ходу обернулся и крикнул:

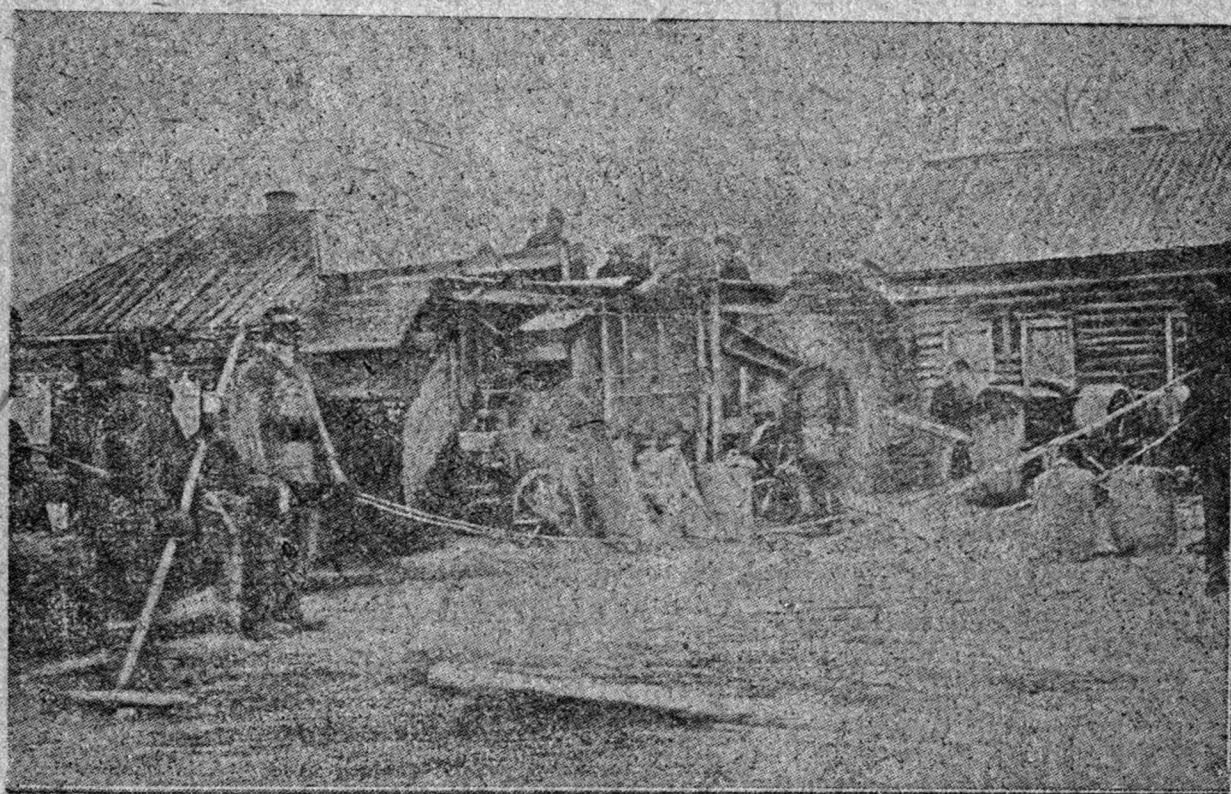
— Двуногих вредителей тоже вывели. Теперь, за всякую злостную порчу машины и за халатность каждый отвечает своим заработком. Лучше мышьяка действует.

* * *

На другом поле коммунары молотили рожь. Второй трактор тянул свою бесконечную песню и галопом гнал широкий приводной ремень. Огромная молотилка стучала крепкими, железными зубами, а лихорадочно вертящиеся крылья завывали на все лады.

Кругом суетились люди. На нескольких телегах непрерывно подвозили длинные ржаные снопы. Один за другим они мелькали в воздухе, быстро скользили по рукам коммунаров и исчезали в

желтой утробе молотилки. Сильный ветер, гудя, вырывался сзади и вместе с пыльным туманом, как пепел, развеивал желтые соломенные мотыльки. Широкой золотой рекой, мягкая и растерзанная, бежала солома, большой мохнатой шапкой поднималась на вилах и снова выростала на земле высокими курганами. Сбоку из молотилки крупным ливнем катилось по желобам провеянное зерно. Холщевые мешки заметно тяжелели, наливаясь зерном, до отказа раздували свои груди и — наполненные падали на телегу.

Молотьба трактором

Вечером кладовщик коммуны, приняв последний воз ржи, стал подсчитывать итоги воскресника. Группа коммунаров нетерпеливо ждала результатов.

— Сколько?

— Сто двадцать есть.

— Ладно! Почин сделан.

Я разговорился с коммунарами. В простых словах развертывали они картину своего зернового хозяйства.

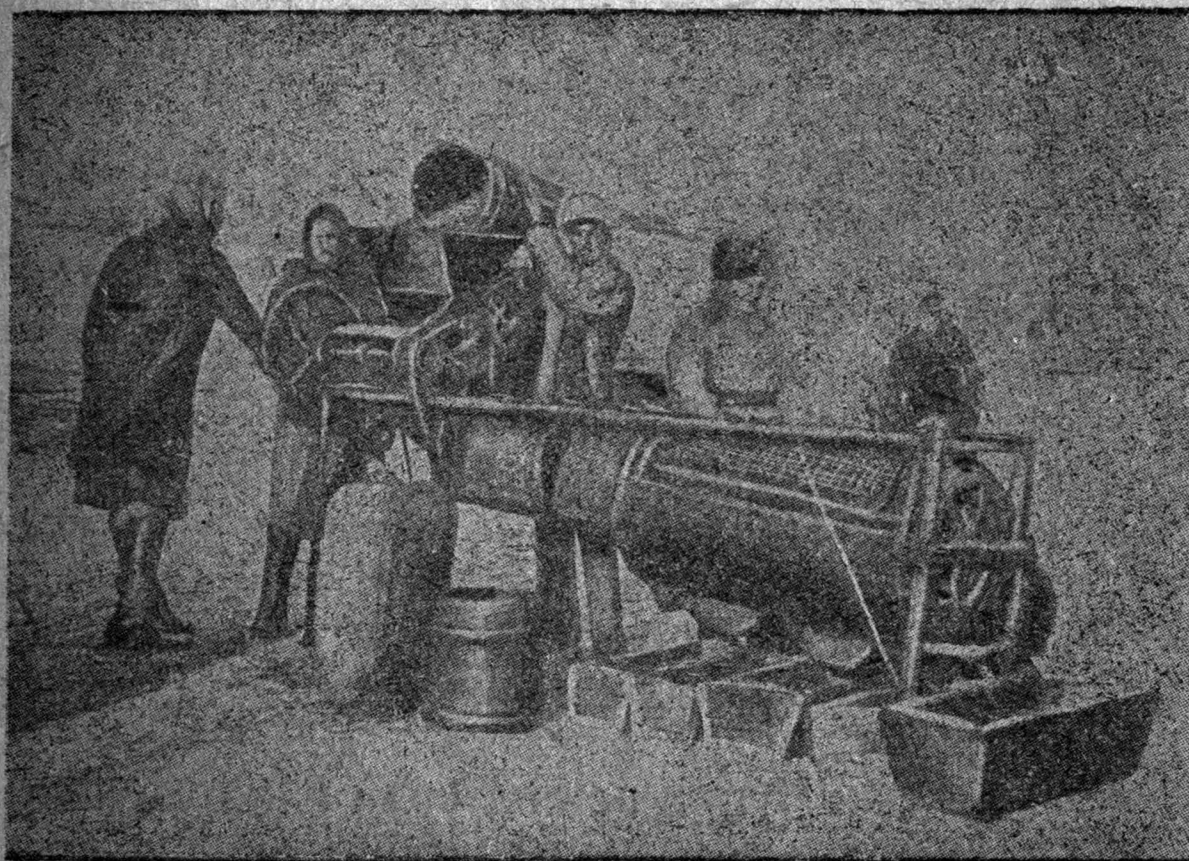
— Урожай у нас последние годы хороший. В среднем получаем с десятины по 80 пудов. Нынче, правда, хлеб немного пострадал от засухи, а все же пудов по 70 с десятины будет.

— А государству вы много сдаете?

— Мы-то? Весь сбор полностью. Весной мы получаем для посева чистосортные семена, а осенью весь сбор передаем государству. Для своих нужд получаем крестьянский хлеб.

— Скоро первый красный обоз организуем. Дорогу крестьянам покажем, — заметил кто-то.

— А хлебные излишки у вас большие?

Зерноочистка

— Сейчас еще похвалиться нельзя. Было время — самим хлеба нехватало, а теперь наладились. Сами сыты и государству еще несколько центнером сдаем.

— Надо повысить товарность земледелия.

— Надо, в первую голову надо, да негде. Земли-то нарезать неоткуда. Прошлый год земледелие составляло 53 проц. всего валового дохода. Нынче хотя посев на 62 проц. расширили, зато сильно выросли другие отрасли хозяйства. Теперь на них и упираться будем.

— За животноводство беремся. Больно дело выгодное.

— Агрономы тоже советуют. И место для скотоводства у нас подходящее. А хлебец само собой. Без хлеба нельзя.

Закат размазал по губам горизонта малиновое варенье. В синем колодце неба золотой монетой сияла луна. Шумел лес.

Где-то звонко разливалась песня комсомольцев...

«...Мы—молодая гвардия
рабочих и крестьян».

У. ЧУПИНСКИЕ СЛЕЗЫ

В 1921 году кулак Чупин, вступая в коммуну, вместе с огромным стадом скота привел английского жеребца — производителя «Полкана».

Прекрасный гнедокарий жеребец стал гордостью коммуны.

Когда кулак Чупин решил уйти из коммуны, то потребовал вместе со своим имуществом и жеребца «Полкана». Коммунары показали Чупину подписанную им при вступлении в коммуну «отступную» от всего хозяйства и жеребца не отдали.

Долго тягался на судах Чупин с коммунарами, много злобных слов срывалось с его языка, а жеребца вернуть не смог. Потеряв при выходе из коммуны почти все свое хозяйство, он часто говорил коммунарам:

— Ничего мне так не жаль, как «Полкана». Не видать мне больше такого коня. Эх! аж плакать хочется.

Сегодня я решил познакомиться с этим красавцем. Старший конюх с жесткими, колючими усами повел меня к небольшой бревенчатой постройке. Скрипнула дверь, и мы вошли в конюшню. Здесь два стойла. Над каждым из них небольшая дощечка с надписью.

Читаю:

*„Полкан“
завода Королевой, масти гнедой,
год рождения 1916*

За переборкой раздался частый топот. и зычное ржанье разрезало воздух.

— Тпру! Не дури, — спокойно говорит кучер, снимая уздечку.

Читаю дощечку справа:

*„Атлет“
от „Полкана“ и „Грозы“,
масти серой,
год рождения 1925*

— Поберегитесь, товарищ!

Я вышел из конюшни. Через минуту, точно ошпаренный кипятком, вслед за конюхом выскочил «Полкан». Как в бою среди рвущихся снаря-

дов, метался он из стороны в сторону. Темные, как ночь, глаза быстро оглядывали всех нас, грива плескалась по ветру, а тонкие ноги в белых «станканчиках» нетерпеливо рыли сырую землю. Гладкий, словно отшлифованный, корпус часто свечой поднимался кверху, и тогда на груди жеребца тугими шариками перекатывались прыгающие мышцы. Вдруг он беспокойно заводил ушами, оскалил длинный ряд зубов, трубой расправил хвост и, заржав, грудью подался вперед.

Сухощавый конюх качнулся, несколько раз неуклюже переставил ноги и кое-как удержал «Полкана». Потом трижды обвернул ременный повод вокруг широкой ладони и увел жеребца в конюшню.

— Бесится старикан, — сказал он, выходя ко мне.

— Неужели «Полкану» 13 лет? — удивлялся я. — Какой он еще с виду молодой да красивый!

— С 16 года, так, стало быть, 13 и есть. Что, хорош?

— Да, таким жеребцом можно гордиться.

— Он у нас из знаменитых. В молодые-то годы бегал на московском ипподроме. Призы зарабатывал. Как-то однажды, во время состязаний, споткнулся и сломал ногу. Вот его, инвалида, и купил Чупин. Дорого он ему стоит: несколько хороших жеребцов да пачку денег отдал он за больного «Полкана». А теперь вот огонь, а не лошадь. Далеко разошлась слава «Полкана». Еще с зимы записывают крестьяне на очередь своих маток для случки с «Полканом». Доход большой он приносит коммуне. В прошлом году в случную кампанию «Полкан» покрыл 46 маток. С каждой матки коммуна получала по 5 рублей. Потом рик выдал дополнительно 66 рублей за покрытие крестьянских

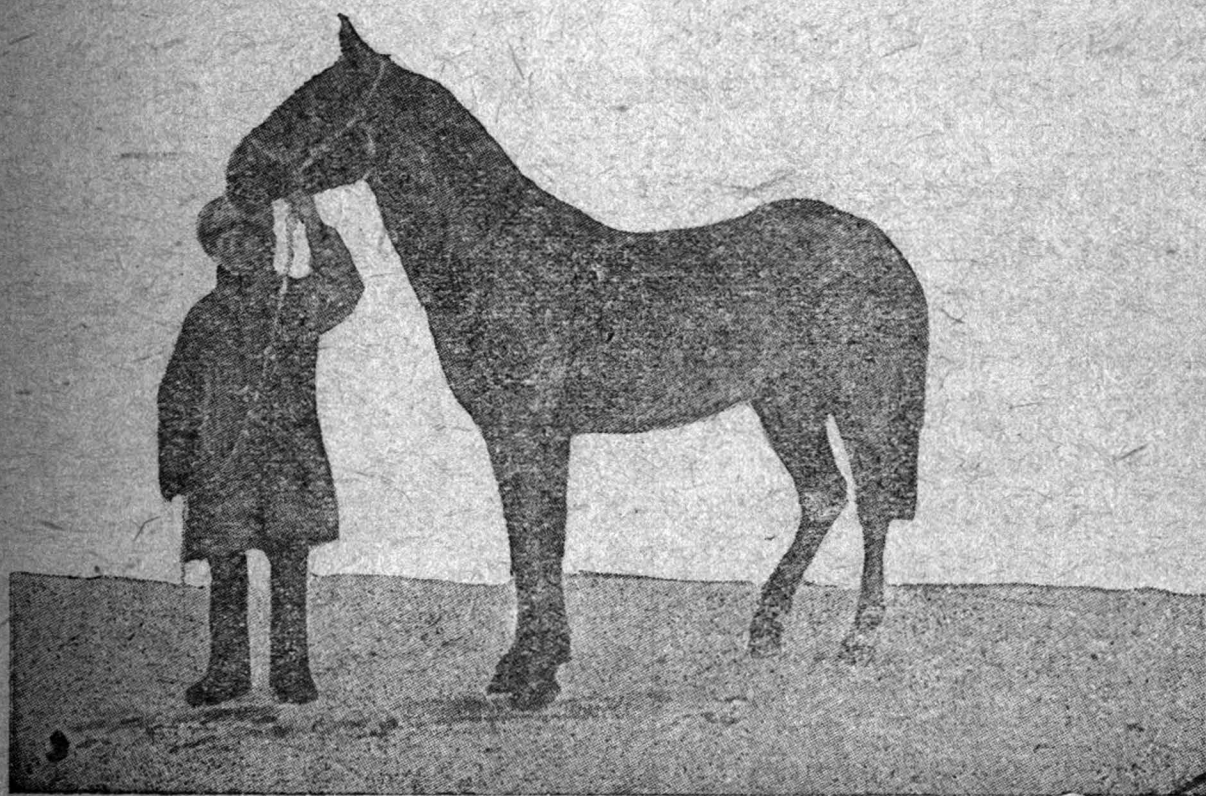
маток. Осенью на районной выставке получил премию в 125 рублей. Всего дал 420 рублей дохода, а расход на него только по 12 рублей в месяц. Вот и считайте прибыль,

— 270 рублей с лишним выходит.

— Так и есть. Нынче покрыл 54 матки, значит прибыль опять будет.

Конюх вдруг сощурил оба глаза, щелкнул языком и нараспев сказал:

— А бежи-ит-то он ка-ак! Что паровоз мчится. Сорок верст за два часа проезжаем.

«Полкан»

Затем он вывел из конюшни молодого жеребца «Атлета». Такой же высокий и стройный, как отец, но более спокойный, он ласкал глаза серыми крупными яблоками, разбросанными по его корпусу.

Конюх осторожно гладил рукой морду лошади и рассказывал:

— Вот и смена «Полкану». Нынче первый раз спускали с матками: молодой еще.

«Атлет» поднял голову, заржал и стал плясать на месте.

— Лошадей с поля гонят. Надо уводить за время, — и конюх повел «Атлета» в конюшню.

Через минуту я с конюхом осматривал рабочих лошадей коммуны. Их всего 22. Все английской улучшенной породы.

— Вот сыновья «Полкана», — показывает мне конюх на двух высоких гнедокарих лошадей. — Все в папашу. У нас, без малого, половина всех лошадей от «Полкана».

— «Красотка»! «Красотка», — вдруг закричал он.

В ответ послышалось короткое ржанье. Умная голова лошади вынырнула из-за гряды спин.

Мальчик-подросток насыпал в телегу свежего зеленого овса. Лошади со всех сторон обступили телегу и стали мирно жевать овес.

— Не дерутся, — заметил я.

— Привыкли. На то и коммуна, — и широкая улыбка осветила лицо конюха.

VI. КОНКУРС ЧИСТОТЫ

Рано. Накрапывает мелкий дождик.

Я иду на скотный двор.

В длинном деревянном помещении 36 коров жуят отруби со жмыхом. У каждой отдельное решетчатое стойло и кормушка. Точно два ряда солдат, выстроились они по обеим сторонам типового скотного двора.

Три доильщицы бренчали чистыми подойниками; у двери с длинными таблицами в руках стоял ученик Ягуновской ШКМ.

Низенькая, толстенная коммунарка обмывала коровье вымя. Затем насухо вытерла его полотенцем и смазала маслом. Воробьями зачирикали струи молока, когда пухлые пальцы коммунарки забегали по сосцам. Окончив работу, она вытерла вымя и понесла молоко ученику ШКМ.

— От Пеструшки, — сказала она, выливая молоко в широкую посуду с делениями на боку.

— Два с половиной, — и юный приемщик, отыскав контрольный лист, записал в него утренний удой Пеструшки.

— Сколько же молока дает вам корова?

— В среднем 7 килограммов. Доим коров три раза в день. Утренний и вечерний удои идут на нужды коммунаров, а дневной сдается в маслозавод.

— И помногу?

— Килограммов 60-80. Получаем за него в зависимости от жиров. Молоко наше жирнее крестьянского, да и немудрено. Мы круглый год подкармливаем коров жмыхом и отрубями. Подкармливаем с весу. На каждые $1\frac{1}{8}$ клг. молока корова получает одну кормовую единицу. Значит, чем больше у коровы удой, — тем больше подкорму ей дается. Правда, для правильного кормления еще нехватает корнеплодов. А все-же добьемся и этого.

Я улыбнулся. Меня удивил спокойный, деловой тон безусого животновода и его хозяйственные рассуждения.

— Хотите посмотреть «Рейку»? — предложил он.

Мы прошли к здоровой белой корове. Мягкое пустое вымя висело между ног большим мешком.

— Она у нас лучшая молочница. 13 килограммов дает в сутки. В прошлом году на конкурсе премию получила.

— Вот тоже породистая, — проговорил он, показывая на рослую черную корову. — А остальные все простые сибирки.

— А хорошие быки есть?

— Был один сементал, а теперь нет. Агрономы нам стали доказывать, что разводить сементалов в Сибири невыгодно. Советовали нам бычка продать. Послушали коммунары, а теперь каются. Приходится либо ждать, когда подрастет молодой, либо покупать нового быка.

Три коммунарки в длинных синих халатах выгоняли коров в поле. Скотный двор опустел. Затем началась чистка помещения. По деревянному полу ерзали лопаты, шуршали веники. Чистая солома мягкой постелью ложилась на вычищенный пол.

Я долго и внимательно смотрел на очистку двора и мне все время вспоминались холодные крестьянские сараи, где худенькая коровенка по колена вязнет в грязи, а в зимнюю вьюгу мокнет под хлопьями снега.

Раньше на животноводство в коммуне не обращали никакого внимания. Теплых скотных дворов не было. Ухода за коровами тоже не было. 111 голов скота с трудом обслуживали коммунаров. О доходности животноводства никто не думал, и жило оно за счет полеводства.

Только за последние годы обратила коммуна серьезное внимание на животноводство. Построили теплый скотный двор на 50 голов, улучшили уход. И что же? Коммуна увидела, что правильно поставленное животноводство приносит большие доходы.

Вот некоторые показательные цифры:

Зимой на каждую корову вместе с уходом и страхованием расходуется 13 коп. в сутки, а летом—8 коп. Значит, в год на корову коммуна затрачивает 27 р. 80 коп. За год корова в среднем

дает 1800 килогр. молока. Оно стоит 117 руб. 40 к. Да один теленок в год—5 руб. Всего выходит 122 руб. 40 к. валового дохода. Чистая прибыль составляет 94 руб. 60 коп. с коровы.

А сколько дохода могли дать 100 коров?

К будущему году коммуна решила увеличить число дойных коров до 70. На покупку коров получена ссуда. Сейчас коммуна готовится к постройке теплого типового скотного двора на 50 голов общей стоимостью по смете—9.313 рублей. Средства в сумме 2.500 руб. уже получены, ведется заготовка материалов.

Кормом скот обеспечен. Заготовлено 1800 пудов сена. Есть и культурные травы: тимофеевка 16 дес., клевера 12 дес., люцерны 1 дес., американского пырея 24 десятины (посеян для будущего года).

Местность для скотоводства тоже очень удобна. Значит, будущее за скотоводством.

Когда я кончил беседу, дядя Семен—спросил меня:

— Ну, как понравился вам наш коровник?

— Коровник приличный, а главное—образцовая чистота. Любо взглянуть.

— Вы, вот, к свиньям зайдите. Там будет почище.

— К свиньям...—рассмеялся я и живо представил себе неуклюжую грязную тушу где-нибудь на задах, в луже.

— Нет, серьезно, серьезно...—И он, взяв меня за руку, повел на улицу.

Мы подошли к высокому, длинному строению с маленькими квадратными окошечками. Красивая, черноволосая свинарница с красными яблоками, вместо щек, отворила нам дверь.

Сразу бросился в глаза чистый, только что вымытый пол. Я невольно взглянул на ноги и стал оскабливать грязь. Коммунарки засмеялись.

Свинарник

По обеим сторонам свинарника высокие барьеры, а за ними просторные, квадратные каюты.

Я нагнулся и взглянул в каюту. Огромная, белая свинья, похожая на мешок с хмелем, лежала на соломенной постели; сквозь редкую белую щетину розовела кожа.

— Вот так генеральша!—воскликнул я.

— У нас сейчас таких превосходительств 37 шт. имеется,—говорил дядя Семен.—Все они белой английской породы. Живут еще только второй год:

— Сколько же эти английские барыни весят?

— До 400 кило вытягивают. Мы их с весу и продаем: по рублю за кило. У нас месячные поро-

сята вытягивают на 10-20 рублей, а подсвинки и до 100 доходят.

— Какой же вы доход получаете?

— А вот считайте. Кормим мы их отрубями и пареным овсом 3 раза в день. Стоит нам прокорм, вместе с уходом, страхованием и амортизацией помещения 22 копейки в сутки с головы. За год матка будет стоить 80 рублей, а доходу даст от 100 до 200. Широко мы думаем поставить это дело,—продолжает дядя Семен. Сейчас со всех концов округа получаем заявки на поросят. Очень уж племя хорошее; лучшим в округе считается. А потом мы проводим искусственный отбор лучших поросят.

Мы обошли весь свиначник. Из каждой каюты на нас смотрела широкая беспечная морда свиньи. Несколько маток нежились с поросятами.

— Какие они все чистые, да белые!—удивлялся я.

— Тоже ведь раз в месяц с мылом моются. А поросят каждую неделю купаю,—заметила свиначница.

— Ай, да чудеса! «Свиное благородие» с мылом моется! Вот он, конкурс чистоты. Отстали, верно, коровницы, отстали. Первое место за свиначником!

VII. ЗАГАДОЧНЫЙ ХУТОР

Саженьях в ста от коммуны, на фоне молодого осинового леса, стоит новенький домик. Садик перед окнами, высокий забор справа и полная уединенность придают ему какой-то загадочный вид.

— Что это за пан там живет?—спросил я коммунара.

— Пань—не пань, а бароны германские...

В этот же день вместе с пожилой коммунаркой я пошел в загадочный хутор. Как только я очу-

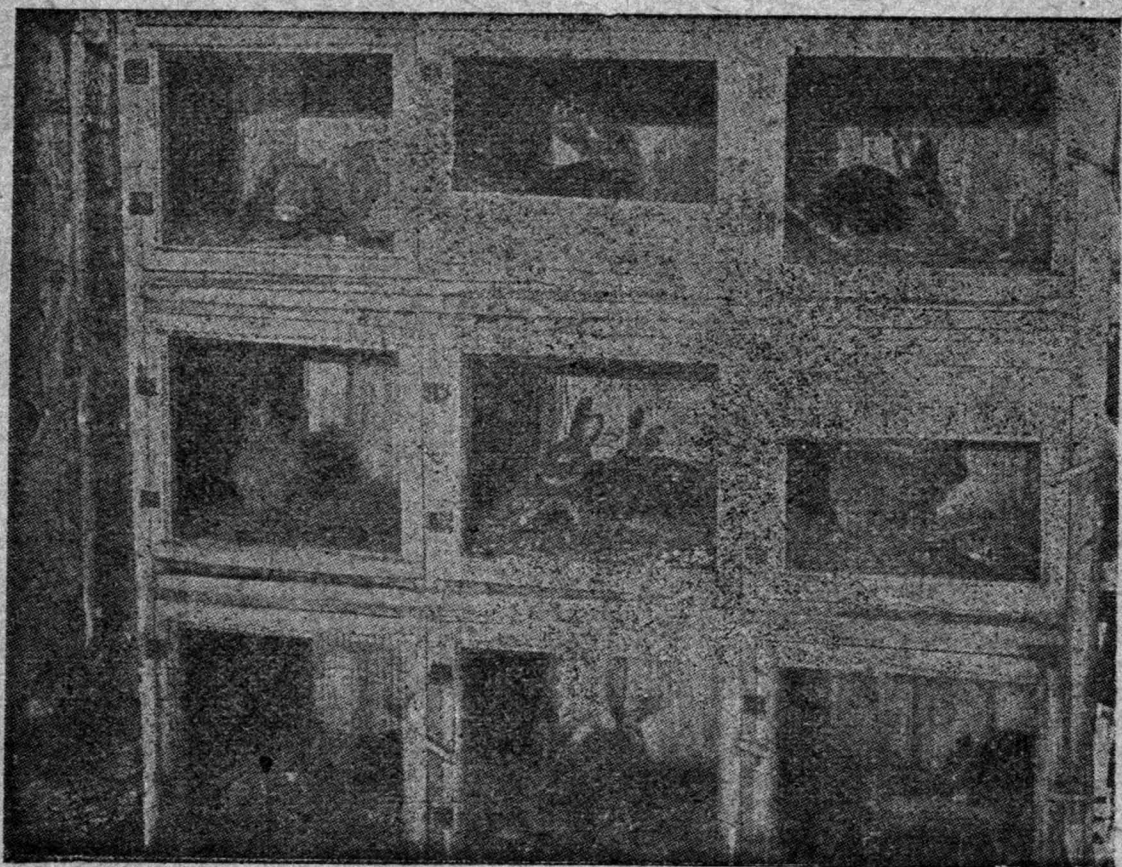
тился по ту сторону высокого забора, бросились в глаза какие-то кубические ящики, расставленные рядами. За проволочными дверцами ящиков кто-то беспокойно суетился.

— Вот посмотрите. Хорош красавец?—и женщина вытащила из ящика длинноухого черного кролика.

Кролик растянул по спине уши и быстро зашевелил губами. По его черной шкурке, точно тонкие золотистые иглы, разбежалась желтоватая ось. Мягкий мех то сверкал черной лакировкой, то отливал темным коричневым настоем, то, отражая солнце, горел докрасна раскаленной бронзой.

Я взял кролика; пальцы сжимали удивительно толстую и мягкую кожу.

— Да, у него не кожа, а настоящая подошва!

Кролятник

— Это верно,—заметила коммунарка. — Кожа таких кроликов идет на хорошую обувь или на дорогие кожаные изделия. И мех у него прекрасный.

Кролик прыгнул с ящика и, плавно ныряя, побежал на средину загородки. Мех кролика, окаймленный желтоватым узором, вспыхивал на солнце маленькими синими искорками, расползлся черными, как уголь, кругами и рассыпал по хребту едва заметную серебряную пыль.

— Откуда они у вас?

— Из Германии. Госторг их выписывал. Видите?—и, поймав кролика, она показала на его ухо.

На кремовой, с синими жилками, внутренней стороне уха темнел штамп германской фирмы.

— Получили мы от Госторга 7 маток и одного самца. Госторг поставил нам условие: за каждого взятого кролика сдать десять для разведения в коммунах. 44 кролика коммуна уже сдала и еще у нас 117 осталось. А ведь два года доходит только.

Я осмотрел все ящики. В каждом из них, напоминающем пчелиный улей, сидит кролик—самец или матка. Некоторые с детенышами.

— Никак нельзя садить вместе. Сейчас же драку учинят,—жалуется женщина-кроликовод.—Я уж за ними по особой инструкции ухаживаю: и кормлю, как полагается, и на прогулку ежедневно выпускаю, и в домиках мою.

— Не велик золотник, да дорог.

— Нам-то они дешево обходятся. За год на кролика уходит только 3 рубля. Зато каждая матка дает в год до ста рублей дохода. Коммуна поняла доходность кролиководства и решила на зиму оставить 20 маток и 3 самцов. И кролятник расширять думаем.

Мы вошли в новенький домик.

— Вот их зимняя квартира. Зимой отопляем.

В чисто вымытой комнате стояли клетки с кроликами. Из-за каждой решетчатой дверки выглядывала маленькая черненькая мордочка с длинными лодочками вместо ушей. Маленькими полированными пуговками сверкали глаза.

Так вот какие «паны» живут в загадочном хуторе!

Долго еще любовался я германскими «панамии», слушая простые слова пожилой коммунарки.

VIII. ЖИВЫЕ ЦИФРЫ

С раннего утра пепельно-серое небо плачет мелким осенним дождем.

Я сижу над толстыми книгами, на листах которых маршируют рядами маленькие цифры. Счетовод коммуны, в такт моим словам, качает головой и его пальцы быстро порхают по счетам.

— Жилых домов у коммуны на 7.178 руб.

— Есть.

— Нежилых построек на 5.616 руб. Мелкого сельско-хозяйственного инвентаря на 318 руб., кузнечного—на 668 руб. Столярного на 162 руб. Машин и с.-хоз. орудий на 9786 руб.

— Так. Едем.

— Упряжи на 389 руб. и сбруи на 260 руб. 80 к. Сколько?

— Всего мертвого инвентаря на 24.381 р. 80 к.

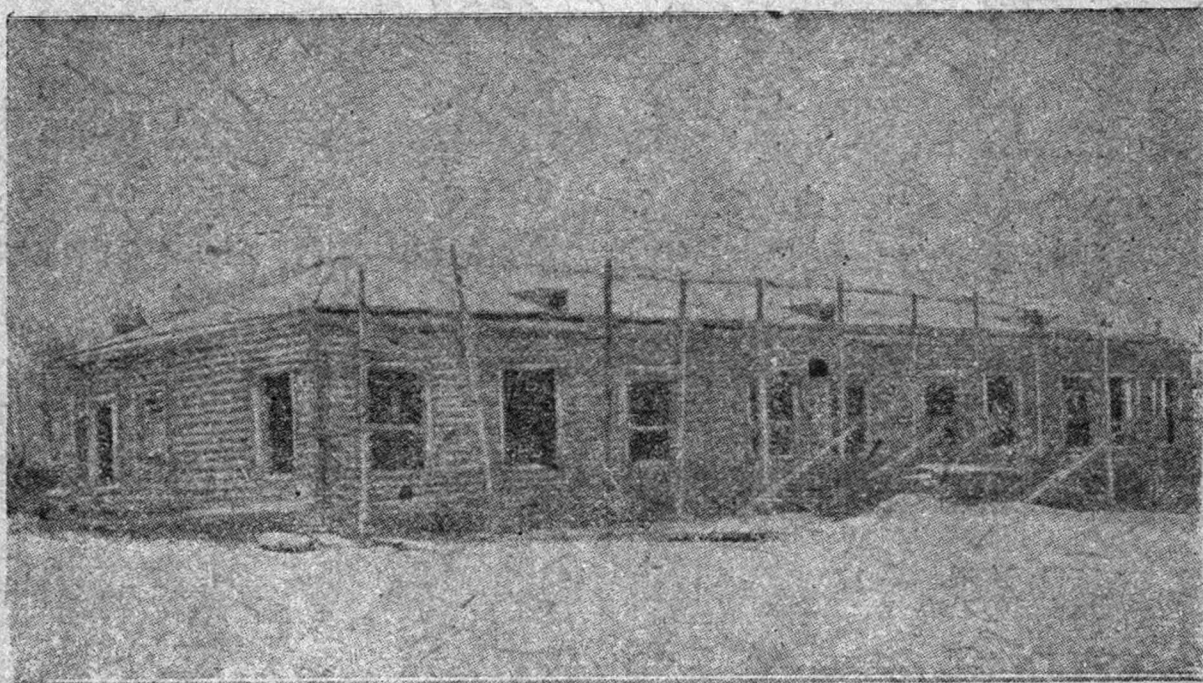
Снова круглые шарики быстро танцуют по медным проволокам и, точно физкультурники, выстраиваются в затейливые пирамиды. Я записываю в тетрадь: лошадей на 4760 руб., коров на 2371 руб., овец на 925 р., свиней на 1324 руб. 63 коп., кроликов на 895 руб., птицы домашней на 28 руб., итого живого инвентаря на 10.303 руб. 63 коп.

— Значит, опора для хозяйственного развития у вас есть?—спрашиваю я.

— Да. Общий итог по имуществу—34.684 руб. 93 коп.

— Дельно. И машин, кажется, достаточно?

— Много. Скоро не пересчитаешь. Главные-то из них вы видели, а мелочь и писать не надо.

Новая школа

Я роюсь в финансовых отчетах коммуны. Хочу узнать,—отражается ли рост хозяйства на бумаге, в этих маленьких немых цифрах. И вдруг... цифры ожили, заговорили и стали расти, расти, расти. И за ними, как-то неуловимо для взгляда, но ощутительно—росло хозяйство коммуны.

Цифры говорили: к 1 октября 1927 года баланс коммуны равнялся 26.078 р. 48 коп. Этот год был закончен с убытком в 1926 р. 75 коп.

Цифры кричали: на 1 января 1929 года баланс коммуны выражался в 42.438 руб. 13 коп. Вместо убытка коммуна получила прибыль в 5.000 руб.

Цифры растут: к 1 июля 1929 года баланс достиг 53.309 р. 44 коп.

Со ступеньки на ступеньку, все выше и выше, поднимается хозяйство. Растут новые свиньи, коровы, овцы—растут новые десятки, сотни, тысячи рублей.

Цифры живут!

Откуда же коммуна получает наибольшие доходы?

Пока на первом месте по доходности стоит земледелие. В 1928 году оно дало 10.452 руб. валового дохода. Следом за земледелием идет молочное хозяйство. Его валовой доход за 1928 год выражается в 2312 руб., что составляет 11,6 проц. к валовому доходу от всего хозяйства. Видную роль в хозяйстве играют подсобные промышленные предприятия и мастерские. За 1928 год они дали 1301 р. валового дохода.

Куда же расходует коммуна свои средства?

52 проц. всех доходов коммуна в 1928 году израсходовала на оплату труда, а остальные 48 проц. вложила в хозяйство.

— Одна у нас беда: трудно платит по ссудам. Брала коммуна кредиты «длинными» рублями да дензнаками, а платить-то приходится настоящими червонцами, — и счетовод снова затараторил на счетах.

— Откуда же вы берете деньги на оплату труда членов коммуны? Ведь месяц прошел — зарплату давай.

— Нет, платить нам почти не приходится. У коммуны есть свой склад необходимых товаров и продуктов. В течение месяца каждый коммунар бесплатно берет в складе все, что ему нужно. Это записывается на его заборный лист. Когда месяц

пройдет, все забранное вычитается из его зарплаты, а остаток заносится в лицевой счет. После окончания хозяйственного года эти остатки при желании выдаются на руки.

Я попросил счетовода познакомить меня с доходами отдельного коммунара и его расходами. Взяли сначала для наблюдений молодого коммунара-одиночку, рядового рабочего. За апрель этого года он заработал 12 руб. 75 коп. Забрал за месяц продуктов на 5 руб. 01 коп. и товаров на 4 руб. 34 коп. За коммуной у него осталось 3 руб. 40 коп. В мае он заработал 13 руб. 37 коп., а всего израсходовал 15 руб. 15 коп., из них 6 руб. на питание. Значит, на личном счету у него остатков почти нет.

Другая картина с расходами у старика-одиночки. В апреле он заработал 14 руб., а израсходовал всего 8 руб. 71 коп., осталось за коммуной 5 руб. 29 коп. В мае он заработал 13 руб., а истратил только 6 руб. 79 коп.; за коммуной осталось 6 руб. 21 к.

Наконец, берем бюджет (доходы и расходы) семейного коммунара. Семья — 4 человека; из них двое детей. За апрель им вместе с женой заработано 20 руб. 40 коп. и начислено на детей 10 руб., всего дохода — 30 руб. 40 коп.

В месяц семья израсходовала 25 руб. 20 коп. Пять рублей 20 коп. осталось за коммуной. В мае общий доход семьи — 31 руб. 89 коп., а расход — 19 руб. 72 коп.; за коммуной осталось 12 руб. 17 к.

Куда же идут эти остатки зарплаты?

Коммунарам они не нужны, у них они бы лежали мертвым капиталом, а коммуна пускает их в оборот, развертывает на них свое хозяйство. Организовав у себя склад товаров и продуктов, коммуна устранила надобность в ежемесячной выдаче зарплаты и расширила свои обороты. Значит,

денежное хозяйство в коммуне стоит на верном пути.

При обследовании бюджета отдельных коммунаров меня поразила незначительность расходов на питание. Я спросил об этом счетовода.

— Ничего удивительного нет, — отвечал он. — Все продукты со склада отпускаются по очень низким ценам. В среднем стол обходится в 4 руб. 50 коп. в месяц. И стол вполне приличный.

Я вспомнил все, чем угощали меня в коммуне, и снова недоверчиво спросил:

— Скажите, вы для меня не по особому заказу готовите?

Счетовод рассмеялся. Глаза скрылись в щелях век.

— Не верите? Да у нас у всех такой стол. Честное слово! Хоть нарочно всех обойдите.

— Тогда это действительно хороший стол, — сказал я, вставая.

За окном попрежнему шел дождь. Серый зипунишко неба пестрел заплатами туч. Молодые осины уныло опустили мокрые ветви.

Зато от этих живых, говорящих цифр в сердце плескалась бодрость, выше вздымалась грудь, и упругие мускулы наливались силой. Хотелось взобраться на крышу дома и через горы, через лес, — унылый и мокрый, зычно-зычно крикнуть:

— Мы растем!..

IX. МАЛЕНЬКИЕ ФАБРИКИ

— Здравствуй, дедушка, — сказал я, протягивая руку рослому длиннобородому коммунару.

— Здорово, здорово! — и жилистая рука старого коммунара стиснула мои пальцы.

Только сейчас старик поднял голову. Из-под серой шляпы взглянули на меня коричневые гла-

за, и бурая борода медленно опустилась на грудь.

— Мне бы хотелось посмотреть столярную мастерскую. Можно?

Старик встал на ноги. Мелким желтым листопадом осыпались с его одежды сосновые стружки.

Мы переглянулись. Дедушка вдруг вплотную подошел ко мне и в его голосе, спокойном и холодном, прозвучало добродушие и радость.

— Посмотри, товарищ, посмотри... мастерская-то хоть и мала, а для коммуны все управляет.

В тесном и низком помещении кудрявыми, пушистыми волнами разбежались стружки. Короткими обрубленными лодками вздымались над ними верстаки. По стенам, точно рыцарское оружие, висят инструменты.

— Сейчас один работаю, — поясняет старик. — А как работы в поле убавится, — еще работники придут. Зимой-то дело кипит! Ишь, вот телегу мастерю, — проговорил он, опускаясь на новую березовую ось.

*„Дядя Филипп“,
столяр и пасечник
коммуны*

Размеренно, четко застукал молоток, и маленькие деревянные пластинки, щетинясь, вылетали из-под долота.

Больше часа беседовал я со стариком. Узнал его жизнь, его мысли. Кряжистым сибирским кедром казался мне этот старик; какая-то необычная простота и многодумность чувствовались в его словах.

— Еще в 1905 году безбожником стал, — рассказывает старик. — С политическими познакомился. Они мне все и растолковали. Умный народ...

— А в коммуне-то нравится?

— Семь лет живу, стало быть, по сердцу. Здесь меня никто не обидит, дурным словом не назовет. Хорошие люди.

Плавню текла речь старика и так же плавно падали пластинки дерева, вслед за мерными движениями его рук.

Почти рядом со столярной мастерской — кузница коммуны. Я пошел туда.

Жесткое, усатое лицо шестидесятилетнего кузнеца склонилось над горном. Безусый парень, мурлыкая, раздувал меха. Синее, желтое, белое пламя протягивало вверх длинные острые пальцы, вздрагивало и, рассыпав яркие маленькие звезды, сжималось комочком. Рука кузнеца, потная и волосатая, вытащила толстый железный прут. Красным змеиным языком растянулся на наковальне его раскаленный конец.

— А ну!.. — хриповатым басом сказал кузнец.

Два тяжелых молота дрогнули в мускулистых руках и один за другим грохнули на железо. Заухала кузница, застонало колокольным звоном красное змеиное жало, и мелкий огнистый песок рассыпался золотым фонтаном.

— Стоп! — и злобно зашипело железо, погружаясь в воду.

— Готово?

В кузницу вошел дядя Семен.

— Нам с ним зимовать, что-ли? Вот, — и кузнец протянул только-что скованный лом.

— Эдак. Теперь трактор исправить надо.

— Знаю. Сейчас мы его, вороного, подкуем.

Я осмотрел кузницу. Всюду—и на стенах, и на длинных, узких столах и под ними,—лежали и висели инструменты, большие и маленькие, прямые и гнутые. Какое-то странное железное сооружение приковало мой взгляд.

— Что это? — спросил я дядю Семена.

— Машину какую-то сочиняет, — мотнул он в сторону кузнеца.—Он у нас на все руки мастер. Что ни закажи, все сделает. Чертеж какой надо — начертит, случится—сле-

*Кузнец коммуны
за работой*

сарем будет, а надо—и механика заменить. Одно слово—на все сто!..

Кузнец подбрасывал уголь, и его большие усы поднимались кверху, обнажая улыбку.

— С работой справляется?

— За глаза. Кузница коммуны обслуживает полностью, да еще заказы крестьянские выполняет.

Мы пошли в коммуны. Дорогой дядя Семен рассказывал про маленькие фабрики коммуны.

Кроме столярной мастерской, «Боевая» имеет маслобойный завод, пимокатную мастерскую и водяную мельницу. Главная задача всех этих маленьких фабрик состоит в том, чтобы обслуживать хозяйство коммуны. Однако, этой задачей маленькие предприятия не ограничиваются.

Маслобойный завод обслуживает почти все окружающие деревни. Свыше тысячи рублей чистого дохода приносит он коммуне. Пимокатная мастерская в этом году значительно расширяется и будет, кроме коммуны, обслуживать соседние села. Большую половину года мельница работает для крестьян и ближайших коммун. Значит, удовлетворяя полностью потребности своего хозяйства, промпредприятия приносят коммуне значительные доходы. В будущем надо эти маленькие фабрики развернуть в настоящие, в более крупные, образцовые. Это даст возможность стопроцентного использования рабочей силы в зимнее время и, в случае стихийного бедствия в полеводстве или животноводстве, спасет коммуны от разорения.

В коммуне сейчас есть свои портные, сапожники, плотники, бондари и прочие кустари и ремесленники. Летом часть их работает в поле, а зимой все они заняты своим ремеслом. Коммуна хочет добиться того, чтобы всякое дело могло быть выполнено своими силами. Это надо приветствовать.

В один из пасмурных, дождливых вечеров я отправился на водяную мельницу.

Возле бревенчатого здания несколько подвод. Узкой колеей катится сверкающая полоса воды, и большое круглое колесо ворочается медведем.

Мельник Тарачев Сергей мигает заснеженными белой пылью глазами и рассказывает:

— Наша мельница в среднем за сутки смалывает 50 пудов. В год дает она коммуне триста с лишним рублей чистого дохода. Милое дело! — и его лучистые глаза молчаливо засмеялись.

— Вот человек из Сыромолотной приехал. Муки нет и смолоть негде. А мы его, как бедняка, без очереди пустили.

— Выручили, голубчики, выручили... — лепетал низкорослый чуваш с белыми прошивами седины на стриженной голове. — Всего вот огузочек, а никто мне из ближних смолоть не хотел. Ладно коммуна посочувствовала...

— Одной мы с тобой матери. Хлебали когда-то нужду да горе. Знаем. Поэтому бедному первое место у нас, — и, обращаясь ко мне, добавил: — мы с них только по два фунта за помол берем, а с остальных — четыре.

Белый молочный туман стоял на мельнице. Жернов проворно бегал и, заглушая шум колеса, четко выстукивал: раз, два, три... раз, два, три...

— Большая благодарность... — говорил чуваш, взваливая на плечо 2-х пудовый мешок муки... — Дома детишки голодом... жена... спасибочки... — голос его дрогнул и на глазах засверкали слезы.

Худенькая рыжая лошадь заржала. Чуваш положил мешок в телегу и радостный, улыбающийся, со слезами на глазах, тронул вожжи.

Мельник улыбался. И радостно, бойко бегал мельничный жернов, выстукивая свой марш.

Х. ЖЕНСКИЙ МИТИНГ

Полдень. Под березой обедают коммунары. Красные косынки, выжженные солнцем, пестреют на головах женщин. Шумно.

— К бабкам, говоришь? Ха-ха-ха...—смеялись несколько голосов. — Тяни назад, товарищ. Есть у нас бабка Арина, шестой десяток живет, а за новое горой стоит.

— Хватит. Отходила. Теперь, как родить время подходит — врача давай. Точка.

Пожилая коммунарка, с большим, отвисшим животом вмешалась в наш разговор.

— Ранишнюю бабу сразу по животине отличишь. А ноне не то. Вот Марья двух родила, а живот не знатко. Что баба, что девка — не узнаешь. А потому — бинтуются. Ране бы про это скажи — так засмеяли бы. На то, мол, и баба, чтобы брюшиной трясти. Дурной народ был.

Сидевшая рядом со мной женщина с красивыми черными глазами вдруг встрепенулась и с жаром сказала:

— Прежняя-то жизнь — что зипун рваный: ни греет, ни ласкает — лохмотьями шумит. Сбросили мы с себя холстину дырявую, в ситце да сукне ходим, — и она быстро пробежала взглядом по одежде коммунарок.

— Жизнь теперь обновлять стали... Запганили ее больно цари с попами. Много мы гнили повымели. Детей теперь не крестим, девок не венчаем...

— Зато к доктору на осмотр ходят. Вместо венчанья-то, — пояснила широколицая девица и, покраснев, спрятала свое лицо за плечом подруги.

— Опять же про маяту бабью... Дети к примеру, — сказала женщина с отвисшим животом... — Ране...

— Погоди, дай я скажу.

Из-за плеча моей соседки вынырнуло маленькое лицо женщины, забрызганное коричневыми каплями веснушек.

— До коммуны бы... — коммунарка запнулась, но потом отчетливо произнесла: — ...женщина свету не видела. До солнышка, бедная, встань, за скотом уберись, хлеба напеки, а потом с мужиком на работу. И гам тоже не легче: работать—рабстай и за детьми доглядывай. С поля приедет — того хуже: изба—что хлев, коровы недоены, ребята есть просят. Разрывайся, сердешная...

— А теперь вот, — начала другая, — дети женщину не связывают. Мал если, утром в ясли неси, а которые поболее — на детплощадку ходят. Сняли камень с матери...

— И работать теперь легко, дети не беспокоят. Глаза моей соседки, черные и большие, высекли солнечные искры. Сжатый кулак ударил по колену.

— Одного нам добиться надо — столовую организовать. Только не такую, что прежде была, а настоящую, образцовую.

— Верно!.. — зазвенели женские голоса.

— Пекарню вот доспели — куды как гоже, — говорила женщина, с отвисшим животом. — С квашней не хлопчешь, значит и слободы тебе больше.

Все теснее собирались женщины вокруг меня, все больше новых голосов вливалось в беседу. Кто-то сзади меня сказал:

— Баня у нас тоже общая, а прачечной нет. Строить будем.

Я оглянулся. Здоровая широкоплечая коммунарка размахивала руками в такт своим словам.

— Цепи свои разбиваем. Во как!

И мускулистый кулак мелькнул возле моего лица.

— Да ты потише, — забеспокоились женщины. — Чего кулаками-то машешь? Убьешь человека.

— Слободна стала, вот и машу. А он не из таких: выдюжит, коли случаем задену, — ответила широкоплечая коммунарка и продолжала: — Собрания женские проводим, на производственных совещаниях выступаем, с крестьянками беседуем, в стенгазету пишем. Будя! посидели на задворках, пора наперед шагать.

— И в спектаклях участвуем, — добавила голубоглазая девушка. — Интересно!

Ко мне наклонилась добродушная пожилая коммунарка, и, точно по-секрету, тихонько сообщила:

— У нас и в партийной ячейке секретарем-то женщина.

Широкоплечая коммунарка снова рубила тяжеловесные слова и голос ее крепчал.

— Грамотой тоже овладели. Книгу в руки — ярмо в болото. Пять человек неграмотных только, да и те либо в могилу смотрят, либо в комму-ну недавно вступили. Сейчас вот некогда, а зимой—то на громкую читку идешь, то радио слушаешь.

— А на посиделки ходите? Пряжу прясть.

— Отошло времечко. Вместо посиделок кружки посещаем, а пряжу в кооперацию сдаем.

Маленькое молчание. Я пишу. Коммунарки вполголоса толкуют между собою. Отрывок чьей-то речи долетел до моего слуха.

— Учиться охота, да вот муж...

Женщина с красивыми черными глазами вдруг круто повернулась ко мне и быстро проговорила:

— Мужья нам учиться не дают. Боятся, что станем шибко грамотными, их опередим.

Со всех сторон раздались голоса. Затронутый вопрос оказался болезненным. До беседы мужчины уверяли, меня, что женщина в коммуне пользуется полным равноправием. Это равноправие обеспечивается и тем, что женщина имеет свой заработок, следовательно, экономически самостоятельна.

— Она у нас, как товарищ, — говорили мне мужчины.

И вдруг такое заявление: «мужья не дают учиться»! Оказывается были случаи, когда женщину выдвигали куда-нибудь на курсы — учиться, а муж всячески препятствовал этому. Бросается также в глаза, что всю ответственную работу в хозяйстве коммуны несут мужчины. Мало еще доверия женщине, мало еще к ней внимания. Надо переломить остатки старых взглядов на женщину и добиться ее подлинного равноправия.

Один из коммунаров оправдывается:

— Как им ответственную работу в хозяйстве поручишь: не управится. А мужчина — мужчина и есть.

— «Курица — не птица, а баба — не человек». Так что-ли? — спрашиваю я коммунара.

— Да, нет... не то... я не про это... я так...

Женщины раскатились смехом. Широкоплечая коммунарка шагнула вперед и снова ее кулаки замелькали в воздухе.

— Доказал?! — спросила она коммунара. — А вот я докажу! В карты вы по целым дням играли? Играли! Водку да пиво четвертями глушили?

Глушили! Половая распущенность была? — Была! Чем крыть будешь?

— Да, это уж давно все в гроб заколотили, — оправдывался коммунар.

Я вспомнил, что мне рассказывали коммунары о болезнях своего быта. В 1926 году в коммуне стало развиваться пьянство. Никто не обращал на это внимания: все, мол, пьют, так и нам можно. Вскоре водка повлекла за собой и другие бытовые болезни: появилась половая распущенность, застукали в «двадцать одно». Хозяйству грозила беда. Но коммуна своевременно заметила болезни и энергичными мерами быстро залечила язвы своего быта. Ни водки, ни карт, ни половой распущенности в коммуне сейчас нет.

Здоровые ростки нового все крепче входят в быт. Музыкальные инструменты, коллективные игры, общественная работа заменили собой остатки темного прошлого.

— Вы пьянствовали, а мы вам хозяйство доверяли, — наступала широкоплечая коммунарка. — Так почему его нам, женщинам, доверить нельзя?

Дружно захлопали в ладоши коммунарки и в их шуме потонули слова говорившей.

Отдых окончен. Пестрыми группами коммунары уходили на полосу пшеницы.

Вдруг одна из девушек остановилась, повернулась и быстрыми шагами пошла ко мне.

— Забыли, — сказала она, размахивая косынкой. — Военный кружок у нас был. Учились перевязки делать, стрелять...

— Ты-то хорошо стреляешь? — спросил я.

— В Чемберлена попадала. Осинový он был.

— А в китайских налетчиков попадешь?

— Могу! — и, прыгая, она побежала догонять своих подруг.

ХІ. СМЕНА

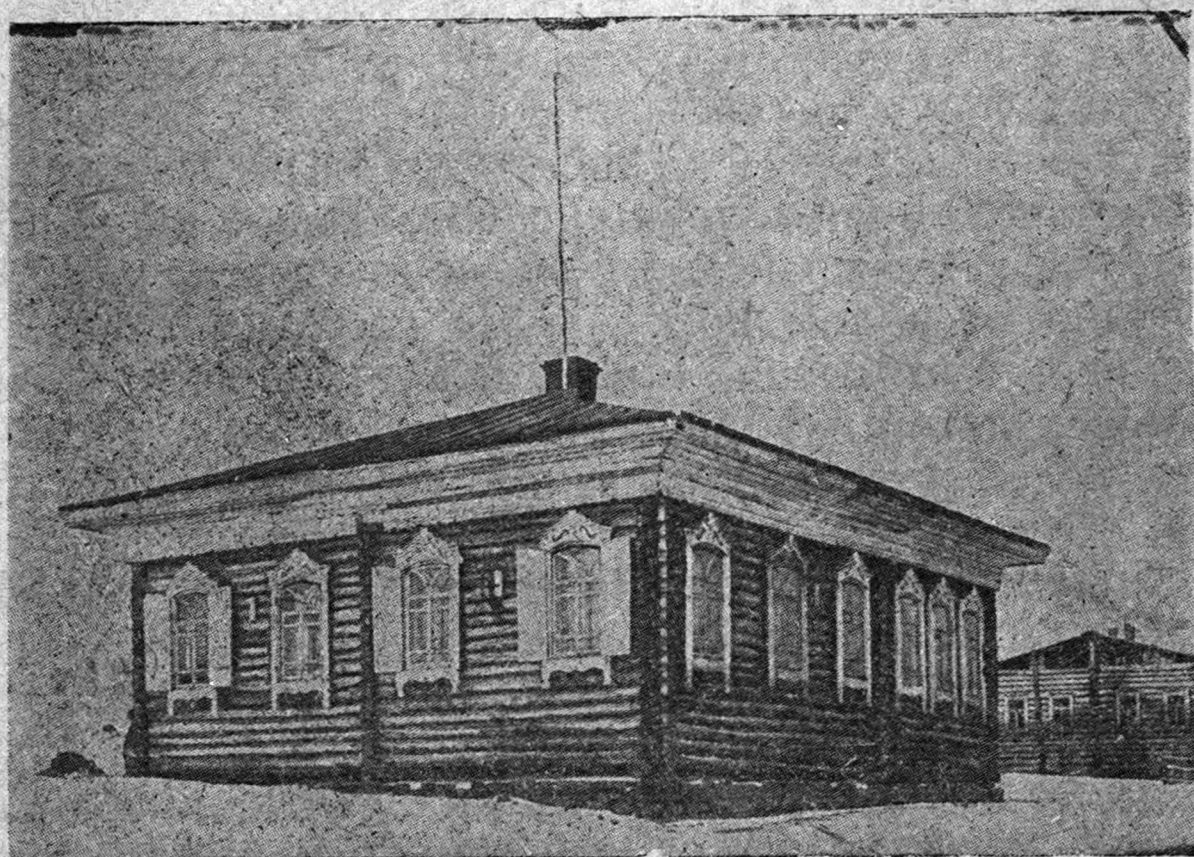
Широкая крашеная дверь. За дверью голоса. Вхожу.

В просторной светлой комнате шумят и бегают двухлетние малыши. Старушка няня моет в ванне маленького карапуза. Пухлые ручки грузно шлепают по воде, осыпая няню крупными брызгами.

— Ваничка, не шали, не шали... — уговаривает малыша няня. — Будь умницей!

Ваня не хочет быть умницей: крупным дождем летят из ванны мыльные брызги, переливаясь на солнце разноцветными бриллиантами.

Я взглянул на часы; скоро шесть. Одна за другой несут коммунарки своих детей в ясли. Три няни хлопотливо раздевают детей.

Ясли. Наружный вид

— Ну, вот и вымылись, — заявляет старушка. — Простыню нам.

Через мгновение в широкой белой простыне трепыхался маленький живой комочек. Стройная девушка — няня вытирала озорника-Ваню. Вскоре он уже ходил по комнате в чистенькой синей комбинашке.

— Лиза, иди мыться, — зовет старушка маленькую девочку, с темными коричневыми глазами.

Лиза по-взрослому сморщила лоб и сердито смотрит на няню.

— Иди, милая, — снова зовет старушка. — Чистенькой будешь, беленькой. Няня тебе новую рубашку дает, завтракать пойдем.

Упорство Лизы сломлено. Через минуту она сидит в ванне. Жилистая рука старушки скользит по спине Лизы, и тонкие струи воды бегут вразнос.

Я начинаю беседу. С добродушной улыбкой рассказывает мне старушка про ясли коммуны.

Открыты ясли только в этом году. Обслуживают они 22 детей; из них 3 грудных. Работают в яслях шесть коммунаров: зав. яслями, 3 няни, поломойка и кухарка. Ясли занимают шесть комнат в большом новом доме: 1 для грудных детей, 1 для игр, 1 столовая, 1 приемная, 1 изолятор для больных детей и 1 кухня. В расходах по содержанию яслей коммуне частично помогает здравотдел.

Приемная опустела. Звонкие детские голоса раздаются в соседней комнате.

— Сейчас дети будут завтракать, — говорит старушка, приглашая меня в столовую.

Посреди комнаты три низких стола, а вокруг них решетчатым забором раскинулись маленькие детские стулья. Двадцать детских головок, точно подсолнухи, склонились над столами. Неугомон-

ными воробьями щебечут голоса, барабанной дробью переливается нетерпеливое топание ног, и четыре десятка лучистых глаз бегают по столам. Шумно. Всело.

Дети за завтраком

— Тише, дети! Сейчас будем завтракать, — и из рук няни один за другим плавно садятся на стол белые чайные приборы.

Дети затихли. Завтракают.

— Майя, — нельзя бросать, — вдруг говорит няня, поднимая с полу кусок хлеба с медом.

На другом конце стола годовой карапуз вдруг отчаянно застучал ногами и его звонкий голос раскатился по столовой.

— Дай... дай...

— Леня, не кричи. Что, — чаю нет? Ручку поднять надо.

Карапуз замолчал и его розовая ручка поднялась над столом.

Завтрак окончен. Горохом раскатились дети по комнатам. Васильками синими замелькали детские комбинашки. Невнятный лепет переливался колокольчиком.

Малыши в яслях

Старушка повела меня в спальню. Маленькие крашенные кроватки стояли двумя шеренгами. Белыми, снеговыми сугробами лежат детские постели. Я взглянул на пол и отшатнулся; на блестящей полировке качалось мое лицо.

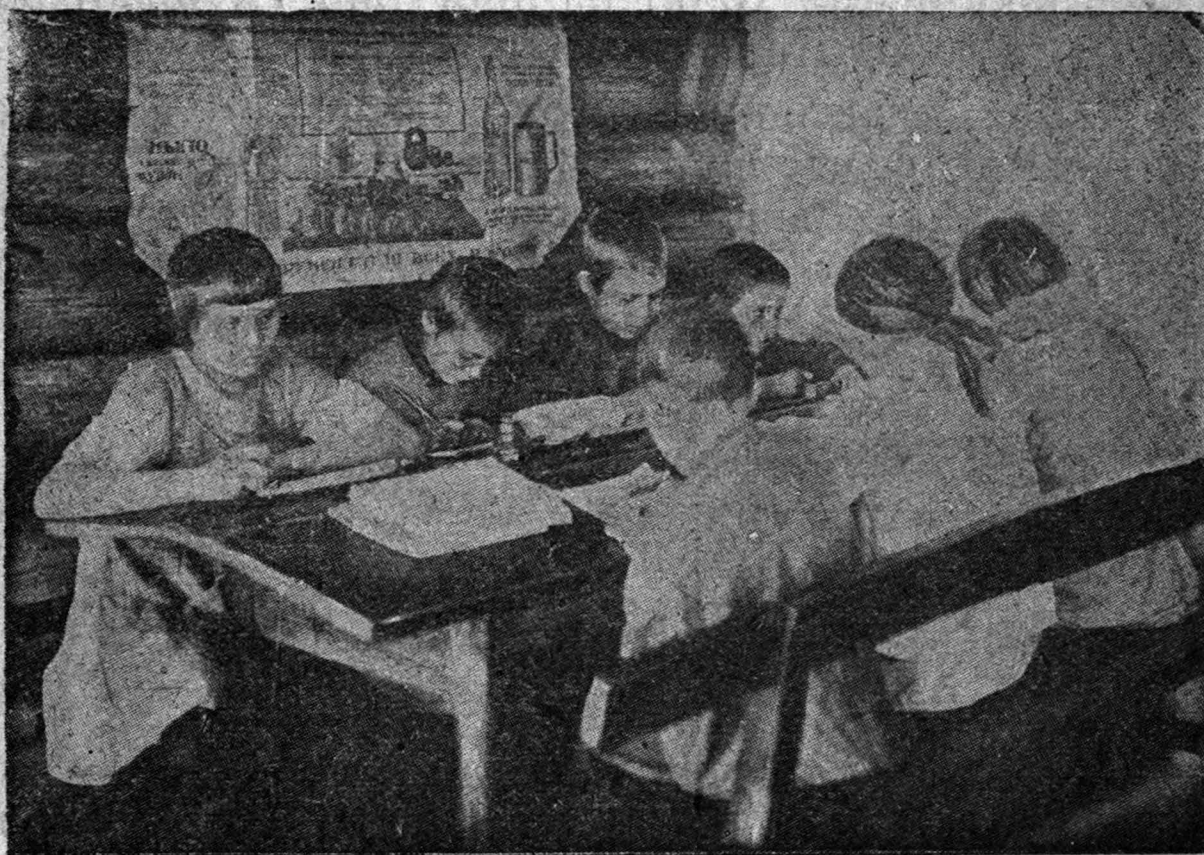
— После обеда дети ложатся спать, — пояснила мне старушка-няня. — Я все больше с грудными вожусь. Через три часа грудников молоком кормим. Ничего — здоровенькие все.

— А чем вы остальных кормите?

— Утром — какао, хлеб с маслом. Иногда кофе, яйца. В обед — на первое блюдо — суп, на второе — кашу или кисель даем. Потом вечерний чай с медом и маслом. На ужин молоко.

К нам подошла учительница. Разговорились. В нескольких словах она познакомила меня со школой.

Школой охвачены все дети коммунаров. Существует она второй год; до этого дети коммунаров учились в соседней Барачатской школе. Недостаточно внимания школе уделяет рик. Мало учебных пособий. Учащиеся ведут большую общественную работу. В кампанию по перевыборам советов они организовали отряды нянек, чтобы дать

В школе за уроком

возможность женщинам участвовать на собрании. Школа готовит здоровую смену, кует новых людей. Все это чувствовалось в спокойных словах учительницы (тоже член коммуны), в маленьких фактах, которыми пестрела ее речь.

Шумной гурьбой в комнату ворвались пяти — семилетние дети и длинной очередью выстроились у умывальника.

— Это с детплощадки, — говорит учительница. — Завтракать пришли.

Детплощадка организуется в коммуне ежегодно. Обслуживает она 22 чел. Руководительница на детплощадке — тоже член коммуны. Через площадку детей приучают к труду, к организованности и воспитывают в нем бодрого строителя. Маленькие коммунары коллективно работают, стройными колоннами ходят на прогулки, слушают рассказы руководительницы.

Уходя, я заглянул в столовую. На столах лежали кучами перевернутые чашки и блюда. Дежурные мальчик и девочка (с детплощадки) мыли посуду. Пиликали в руках у маленьких хозяев беленькие блюда и, позванивая, вырастали на столе горками.

— Вы пионеры? — спросил я детей.

— Здесь все пионеры, — бойко ответила девочка.

— А про Ленина что-нибудь знаете?

— Знаем, — прозвенели два голоса.

— Он нам коммуны завещал построить, — продолжал мальчик, вытирая чашку, нараспев протянул:

— Ха-а-рошую...

ХП. ЗДОРОВАЯ ПОРОСЛЬ

Девять лет... Девять лет прошло с тех пор, когда маленькая группа бедняков впервые сказала:

— Коммуна «Боевая».

И, действительно, много настоящих классовых боев за новое коллективное хозяйство, за новую жизнь пережила коммуна. Много сил отдали коммунары на борьбу против белогвардейских банд, против зубов кулацких, против всего старого, отлетающего.

Злыми волками смотрели на коммуну кулаки, косо да недоверчиво поглядывали середняки и темная беднота лаяла на своих братьев. Старые, дедовские села да деревни заживо хоронили молодую коммуну. Обруганная и оплеванная, вступала она в новые бои за право жить.

А теперь — не то.

«Боевая» окрепла, выросла и шагает вперед по пути Ленина.

Почуяли деревни мощь коммуны, увидали села богатырей земли, узнала беднота братьев своих, позвала середняков новая жизнь. Старенькой колокольней упала на землю шапка дедовская и пришли деревни на поклон к коммуне, на поклон к молодому да бодрому.

В новые бои вступила коммуна. Бросила свои силы по деревням да селам — расчищать дорогу к новым дням, выкорчевывать из хат пни поповские, привязать за рога бычков — кулачков... Шесть лучших коммунаров работают сейчас в деревенских сельсоветах и кооперативах, выводя бедняков на коллективную дорогу.

Не всегда отступает враг. Часто «Боевая» развертывает свой фронт и крепко сколоченными рядами идет в бой.

В селе Барачаты сгорела церковь. Крестьяне получили страховую премию и хотели строить новый господень дом. Созвали общее собрание для решения вопроса о страховой премии. Собрались крестьяне, поговаривают... Вдруг.... наступление! Большой толпой идут на собрание коммунары, чтобы настоять на передаче этих денег для постройки школы. Долго боролись... говорили, убеждали и... победили! Сейчас в Барачатах строится школа.

Крепчают классовые бои в деревне. Пузатым пауком сидит кулак на хлебе. И снова лучшие из коммунаров идут в бой за хлеб, на кулака. Не только свой сельсовет, но и другие, соседние, обслужили коммунары в кампанию по хлебозаготовкам.

А когда деревня шла голосовать за советы, дети коммунаров по-боевому двинулись на помощь матерям, организуя отряды нянек.

Молодая республика строит новое социалистическое общество, развивает индустрию, а за лавровой веточкой «мира» капиталисты всех стран точат ножи для Советского Союза.

Вся страна готова к обороне.

И коммунары снова на боевой линии.

1-го августа «Боевая» постановила отчислить на оборону страны и индустриализацию 10 фунтов с каждой десятины посева и один удой молока с коровы.

Но этого мало, и «Боевая» бросает свои силы на два фронта.

Наступление: горячая речь, товарищеская беседа, митинг и:

общее собрание дер. Зимовье постановило отчислить на оборону страны пять фунтов с каждой десятины посева и один удой с коровы;

общее собрание поселка Смотрик постановило отчислить на оборону страны семь фунтов с каждой десятины посева.

Так, дружная и крепкая, завоевывает коммуна главные высоты наших деревень.

Растет коммуна, растут ее друзья.

Смотрят крестьяне на крепкое хозяйство, на машины новенькие да на хлеба коммунарские, и учатся, по-новому ходить за землей. Стали крестьяне сортировать семена, протравливать их формалином, стали приобретать рядовые сеялки.

А рядом, в соседних деревнях, зелеными всходами, молодым побегом вырастают новые коммуны.

В семи верстах от «Боевой» раскинулась молодая коммуна — «Октябрь».

В селе Барачаты организовалась сельско-хозяйственная артель по общественной обработке земли «Серп». Скоро «Серп» должен перейти на устав коммуны.

По чьему примеру сорганизовалась беднота?

— По примеру «Боевой».

Кто помог им сделать первый шаг?

— «Боевая».

Она достойно может гордиться здоровой молодой порослью, идущей по ее следам.

Сейчас коммуны прорабатывают вопрос о слиянии. Кустовое объединение коммун — вот цель, которую они ставят. Тогда каждая из коммун в зависимости от природных условий будет специализироваться на одной отрасли хозяйства. «Боевая», имея прекрасные заливные луга, реку, лес, — будет развивать животноводство.

«Октябрь» и «Серп» широко развернут земледелие, — земли для этого хватит.

И дружными рядами, нога в ногу, пойдут коммуны к светлому будущему.

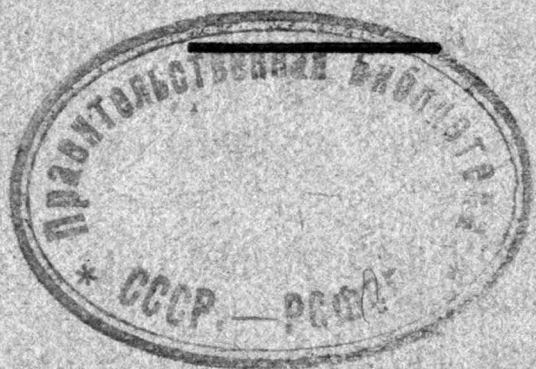
Будущее в их руках. Оно не за горами. Надо только не сбиваться с верной дороги.

Не даром почти ежедневно в коммуны поступают заявления, приходят ходоки.

Улыбающийся коммунар быстро размахивает руками и с жаром говорит:

— Да ты только поди в Зимовье, крикни: — «Кто, мол, желает в коммуны итти?» — вся деревня сбежится!

И он со всего плеча ударил рукой по толстой папке с заявлениями о приеме в коммуны.

СИБКРАЙИЗДАТ

Новосибирск, Красный проспект, 25

Московское пред-во: Москва, Лубянский пассаж, 47

ОТДЕЛЕНИЯ и МАГАЗИНЫ ВО ВСЕХ
ГОРОДАХ СИБИРИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Минеев.—Сельское хозяйство Сибири в пятилетнем плане (серия „Сибирский край через пять лет“) 1929 г., стр. 64, ц. 20 к.

Милехин Л. Соревнование полей. Социалистическое соревнование в деревне. 1929 г., стр. 64, ц. 17. к.

Самойлов Л.—Коммуна „Юный Пахарь“. 1929 г. стр. 56, ц. 20 к.

Мананников И.—От товарищества к коммуне. 1929 г., стр. 24, ц. 16 к.

Лежнев Ф. и др.—Коллективной работой добьемся двойных удоев. 1929 г. Стр. 32, ц. 10 к.

Воронин Ф.—Как организовать яично-птичную артель. 1929 г. Стр. 24, ц. 10 к.

Волконский С.—Кооперативное и промысловое кролиководство. 1929 г. Стр. 110, ц. 60 к.

Печатается:

Самайлов Л.—Колхозы и совхозы. Сельско-хозяйственная хрестоматия.

Цена 25 коп.

ч. 12 к.

3609